

То, что причиняет боль, меняет тебя

ЭТИКЕТ ТЕМНОЙ КОМНАТЫ

РОБИН РОУ

Робин Роу
Этикет темной комнаты
Серия «Young Adult. Тебе
не спрятаться. Триллеры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70297693

*Этикет темной комнаты :
ISBN 978-5-04-199012-1*

Аннотация

ОТ АВТОРА МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «ПТИЦА В КЛЕТКЕ».

Напряженный, захватывающий, мощный психологический триллер с множеством сюжетных twists. То, что причиняет боль, меняет тебя. Теперь шестнадцатилетний Сайерс Уэйт это знает.

Совсем недавно у него было все, о чем можно мечтать: богатые родители, красивая девушка, крутая тачка, дружба с популярными парнями школы. Но это было до того, как его похитил неизвестный человек. Сайерс оказался запертым в подвале в полной темноте. Сбежать невозможно. Чтобы выбраться из плена, ему придется сыграть роль, которую для него подготовил похититель, и воплотить его безумные фантазии. Успеет ли Сайерс спастись прежде, чем утратит связь с реальностью и собственным «я»?

Для фанатов Карен М. Макманус, Наташи Престон, Меган Миранды и Натали Д. Ричардс.

«Эта книга важна и необходима, она наполнена любовью и надеждой. Мне было больно, когда я ее прочитала. Но это лучший вид боли». – Дженнифер Нивен, автор бестселлера «Все радостные места».

«"Этикет темной комнаты" – это душераздирающий, увлекательный и дающий надежду роман, исследующий тему выживания и восстановления после травмы. Эта книга заставит вас думать, и, что важнее, заставит вас испытывать эмоции». – Джефф Зентнер, автор книги «Змеиный король»

«Захватывающий, красивый роман, от которого невозможно оторваться. "Этикет темной комнаты" – не что иное, как шедевр». – Эмбер Смит, автор книги «Такой я была»

Об авторе

Робин Роу – американская писательница и преподаватель. Работает с детьми с психологическими травмами. Ее дебютный роман «Птица в клетке» принес ей мировую славу. После публикации книга моментально попала в список бестселлеров, была номинирована на множество литературных премий и названа лучшей Young Adult книгой года по версии: Goodreads Choice Award, Chapters Indigo, EpicReads, BookPage, Powell's Books, The Texas Library Association, News & Observer, Buzzfeed.

Содержание

Пролог	6
Один	10
Два	35
Три	44
Четыре	58
Пять	60
Шесть	67
Семь	73
Восемь	81
Девять	93
Десять	99
Одиннадцать	123
Двенадцать	129
Тринадцать	135
Четырнадцать	138
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Робин Роу

Этикет темной комнаты

Robin Roe

Dark Room Etiquette

Copyright © 2022 by Robin Roe Publications, LLC

© Солнцева О., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Я пью кофе с другом-статуей.

– Неплохо, верно? – говорю я. – Может, не так мило, как в Caffè Americano...

Мой друг и не думает смеяться в ответ. Он никогда не отличался хорошим чувством юмора.

Я со вздохом ставлю бумажный стакан обратно на стол. Прямо передо мной – старомодный телевизор с выпуклым экраном, и в нем отражается вся комната: ветхая панельная обшивка, блестящая, серебряного цвета дверь, древний диван, обитый узорчатой тканью, и я – за круглым столом, в центре всего этого. Если я сижу совершенно неподвижно, мое отражение кажется каменной статуей.

Машу рукой. Мутная рука машет в ответ.

Ага. Вот что бывает с людьми, в распоряжении которых слишком много свободного времени, – они разговаривают сами с собой и дружат с собственным отражением.

Выходя из этого состояния, перестаю притворяться, будто стакан с водой – это кофе, и беру кисточку для рисования. Я настроен завершить сегодня автопортрет или, по крайней мере, добиться того, чтобы стало понятно, что я рисовал человека. Изучаю свое лицо на экране телевизора, но оно напоминает отражения в комнате смеха, и потому мое творение выходит неровным и безликим, подобным зеленоглазой

тени.

Может, мне лучше заниматься тем, что у меня хорошо получается.

Опускаю кисточку в воду, мою, а затем опускаю в синюю краску и начинаю наносить на тень-мальчика короткие мазки. Я так сосредоточен на этом занятии, что едва замечаю, как серебряная дверь у меня за спиной открывается.

Мои глаза вновь находят телеэкран, и какую-то секунду мне чудится, будто на пороге стоит статуя-папа. Но потом он шевелится, входит в комнату и ставит термос на стол рядом с моими акварельными красками. Иллюзия разрушается. Я поднимаю на него глаза, он ерошит мне волосы большой рукой, пахнувшей машинным маслом.

– Ты целый день этим занимаешься? – спрашивает он, расстегивая верхнюю пуговицу на фланелевой рубашке.

– Да, сэр, почти.

Он, улыбаясь, сжимает мое плечо и показывает на коричневый бумажный пакет у него в руке.

– *Это...* – спрашиваю я как можно осторожнее, – сюрприз для меня?

Радостное выражение исчезает с его лица, а это значит, что спросил я недостаточно осторожно.

– В чем проблема? Ты же понятия не имеешь, что это такое.

– Когда ты утром сказал *сюрприз...* я подумал...

– Ты хочешь выйти на улицу.

Я молчу, а это то же самое, что «да».

Он роняет пакет на стол и тяжело опускается на стул напротив меня.

– Сам знаешь, это небезопасно.

– Всего на несколько минут. – Я пытаюсь не ныть, что очень трудно, потому что чувствую себя совершенно несчастным. – Никто меня не увидит.

– Мы не можем так рисковать.

– Но...

– Я сказал *нет*.

Смотрю на столешницу. Ничего не могу с собой поделать.

– Собираешься дуться?

– Не собираюсь.

– Тогда поменяй выражение лица.

Иногда выполнить подобный приказ невозможно, словно он велит мне превратиться в кого-то другого. Но я сосредоточиваюсь, расслабляю брови и губы. Перенастраивая все клетки лица, принимаю виноватое выражение.

Он двумя пальцами постукивает по пакету.

– Тебе не интересно, что здесь?

– Да, сэр, интересно. Я просто хочу...

– Хватит, – зло говорит он. – Ты не можешь получать все, что захочешь. А теперь дай мне свою ногу.

Я незаметно вздыхаю и стараюсь смотреть на него пустыми глазами.

Потом разворачиваюсь на стуле и вытягиваю ногу. Его

пальцы касаются моей кожи. Он вынимает из кармана связку ключей, перебирает их и снимает у меня с ноги оковы. Нога теперь свободна, и я потираю лодыжку, кожа на которой слегка воспалена.

Он продолжает наблюдать за мной, я чувствую это, – и потому, подавив вздох, изображаю на лице благодарность и говорю:

– Спасибо.

Один

– Притормози.

Я раздраженно фыркаю и смотрю на спидометр. Не очень уж быстро я еду, а даже если и так, то с какой стати Лекс может командовать мной в моем собственном автомобиле?

Решив промолчать в ответ, я улыбаюсь Брие, сидящей рядом и радующейся жизни, словно мы едем на какую-то вечеринку, а не в школу, где нам предстоит пережить первый день в одиннадцатом классе.

Она скрещивает длинные ноги, ее темно-русые волосы волнами падают ей на плечи, она поправляет очки в черной оправе, которые носит исключительно из эстетических соображений. Ей нравится внезапно снимать их и поражать всех своей красотой. Это смешно, потому что особой разницы между нею в очках и без очков нет, в любом случае она выглядит потрясающе и похожа на эталон американской девушки с обложек модных журналов.

– Ты что, совсем не волнуешься? – спрашивает она.

Люк просовывает между ними свою лохматую блондинистую голову.

– Я волнуюсь!

– Это видно, – поддразниваю я его. – На тебе твоя лучшая рубашка со «Звездными войнами», и вообще...

Он весело кивает, а затем снова начинает обниматься с

Лекс на заднем сиденье.

– Ты можешь поверить этому, Сайе? – Бриа сжимает мне руку. – Наконец-то нас допустят ко двору!

– Ко двору?

– Конечно, я пока еще не могу быть королевой на школьном балу – до тех пор, пока мы не станем двенадцатиклассниками. А вот принцессой – запросто!

– Ты уже принцесса, – говорю я ей, и она хлопает своими длинными ресницами, которые нарастила на прошлой неделе. Ее блестящие красные губы быстро-быстро двигаются – она рассказывает мне, какой будет тема бала и что мы должны сделать, чтобы наши наряды сочетались по цвету, ведь *мы запомним этот вечер НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ!*

Я, честно говоря, не понимаю, почему ее так волнует еще одна школьная вечеринка. На них никогда ничего интересного не происходит. Все та же дрянная музыка и сексуально подавленные учителя, следящие за тем, чтобы, танцуя, никто не жался друг к другу и не получал таким образом никакого удовольствия.

– У нас в запасе шесть недель, – напоминаю я ей.

Она таращит свои карие глаза.

– Ты прав! Нам столько всего еще надо сделать!

– Тебе нужно купить платье, а что еще?

– Да уж поверь мне, дел тут выше крыши. – Она треплет меня по плечу, словно мое невежество в этом вопросе поистине очаровательно.

– Ну, я должен спланировать афтепати.

– Но у тебя же целая команда помощников.

– Правда? – в разговор встречается сидящая на заднем сиденье Лекс.

Бриа кивает ей и снова обращается ко мне:

– Держу пари, ты будешь принцем, Сайе.

Я корчу гримасу. Король – это клево, но ребенок короля? Вовсе нет.

– Ага, наверное, – тем не менее соглашаюсь я и смотрю в зеркало заднего вида как раз в тот момент, когда Лекс округляет глаза.

Бриа оборачивается.

– Эй, Лекс, ты уже выбрала себе платье?

– Не уверена, что мне есть с кем пойти, – отвечает Лекс, и Люк тут же заверяет ее, что конечно же есть, но он должен сообразить, как пригласить ее наилучшим образом. Еще один взгляд в зеркало, и я вижу, как они улыбаются, глядя в глаза друг другу, будто это будет день их свадьбы.

– А ты? – Бриа обхватывает пальцами мое бедро. – Ты собираешься пригласить меня как-нибудь *поромантичнее*?

И не успеваю я ответить, как Лекс предостерегает меня:

– Если ты не притормозишь, нас оштрафуют.

– Сайе... – слышу я голос Люка. – Может, тебе действительно стоит сделать это.

Ловлю его взгляд в зеркале и хмурюсь. Мы с ним лучшие друзья с еще дошкольных времен, и он никогда прежде

не выносил мне мозг – до тех пор, пока этим летом сюда не приехала Лекс. Она образовалась на праздновании Четвертого июля на городской площади, вся такая непростая и хорошенькая, как модель – с идеальными скулами и русалочьи-ми волосами, и, выбрав *Люка*, потянулась к нему. Классно, что у него есть теперь подруга. Серьезно. Но я не понимаю, почему это должна быть девушка, постоянно бросающая на меня презрительные взгляды.

– Все *прекрасно*, – буркаю я. – Нас не остановят. И не оштрафуют.

И тут слышу вой сирены.

– О боже! Я же говорила! – Лекс явно вот-вот психанет, и Люк начинает бормотать, что все обойдется, а я тем временем съезжаю на обочину.

Бриа со скучающим видом проверяет телефон:

– Надеюсь, мы не опоздаем. У меня до занятий собрание школьного совета.

– Не опоздаем. – Я быстро целую ее. – Все хорошо.

Позади меня что-то громко бухает, я поворачиваюсь и вижу, что невероятных габаритов коп стучит дубинкой по тонированному окну. Нажимаю на кнопку, чтобы опустить стекло, он втискивает верхнюю часть тела в салон, а я вспоминаю, как ездил на сафари и лось сунул голову в наш автобус.

– Ты имеешь представление, с какой скоростью ехал? – рычит коп Лось.

– Да, приблизительное.

Он, похоже, на секунду теряет дар речи, а затем выходит из себя. Я остаюсь совершенно спокойным, и он опускает на нос очки и отчитывает меня, желая, по всей видимости, напугать как следует.

У него не получается.

Мы смотрим друг на друга до тех пор, пока его взгляд не падает на мой ярко-красный «Астон Мартин», а потом он опять смотрит на меня, и я распознаю хорошо знакомое мне выражение. Он *завидует*.

– Права и техпаспорт.

Вручаю их копу и тут же понимаю, что ему известно мое имя. Сайерс Уэйт.

На его лице высвечивается сразу несколько эмоций, а затем он возвращает мне карточки.

– Ограничусь предупреждением. Но тебе необходимо следить за тем, с какой скоростью едешь.

И он в раздражении отходит от машины.

Выезжаю обратно на дорогу, и Лекс спрашивает, медленно и ошеломленно:

– И что это было?

Бриа многозначительно улыбается ей.

– Тебе предстоит еще многое узнать об этом городе.

Мы находимся в квартале от школы, когда Бриа открывает окна шире и делает музыку громче. Стайки ребятишек обочиваются и смотрят, как я мчусь мимо бронзового льва у главного входа и заезжаю на ученическую автостоянку.

Глушу двигатель, выбираюсь из автомобиля, и его тут же окружают мои друзья. От всех них исходит химический запах новой одежды и средств для волос. Бриа, оказавшись в своей стихии, переходит от человека к человеку, я же остаюсь с Люком и Лекс и вынужден смотреть, как они шепчут что-то друг другу на ухо.

Должно быть, у меня странное выражение лица, потому что Люк морщит в беспокойстве лоб.

– Эй, тебе одиноко? – спрашивает он без тени сарказма и кладет руку мне на плечо.

Я пытаюсь увернуться от него – невозможно выглядеть клевым, когда кто-то сочувственно обнимает тебя. Люк улыбается, будто я веду себя смешно, но руку убирает. Я пытаюсь принять более респектабельную позу и вижу приближающегося к нам Гаррета. Он в простой белой рубашке с закатанными рукавами, словно бриолинщик из пятидесятих годов прошлого века. Его густые черные брови слегка хмурятся, и он, что очевидно, взволнован не меньше меня.

– Привет. – Он прижимает свой большой кулак к моему

кулаку. – Будешь в этом году ходить на силовые тренировки?

– Э. Нет. – Не могу представить, что пользуюсь спортивным оборудованием, пропитанным чужим потом. – А ты?

– Буду. Теперь я выжимаю триста фунтов лежа.

Я опять-таки не могу представить себя сидящим рядом с Гарретом и пытающимся повторить его достижения. Некогда мы с ним оба были мальчишками чуть ниже среднего роста, но ему повезло, и он продолжал расти, а мой рост оставался неизменным.

– Лекс! – зовет Бриа. – Если ты хочешь успеть на собрание, то нам, пожалуй, пора.

Люк отпускает руку Лекс и смотрит, как девочки исчезают в здании школы. Глаза у него жалобные, словно у брошенного под дождем щенка.

– Значит... – говорит ему Гаррет, – у тебя новая девушка?

Люк немедленно настораживается:

– А что?

– Просто удивлен.

– Почему?

Гаррет пожимает плечами.

– Очень уж она важничает. Говорит исключительно о Нью-Йорке, словно слишком хороша для кого-то из Техаса.

Лицо Люка освещает понимающая улыбка:

– Хочешь сказать, она тебя отшила.

– Она *не против*. Но я с Мариссой. – Глаза Гаррета прикрыты, но я замечаю мелькнувшее в них раздражение и из-

даю тихий стон. Мы не пробыли в школе и полчаса, а он и Люк успели сцепиться. – Лекс известно, что ты Люк Би-уокер?

Может, Люка и достаёт, что его так называют, но он не показывает вида.

– Гаррет, ты ведь в курсе, что у нас на дворе двадцать первый век, верно? – Он раскрывает руки, словно хочет обнять весь мир. – Сексуальность переменчива.

– Ага, может, для тебя оно и так. А я говорю, Лекс считает, что ей никто в подметки не годится, вот и все.

С лица Люка не сходит сияющая улыбка.

– Нет, не согласен. Просто у нее совершенно особенный вкус.

Я, удивленный, хлопаю его по спине.

– Да, она западает на тощих ребятшек, обожающих Йо-ду. Честно, Люк, она может оказаться твоей *единственной надеждой*.

Его взгляд загорается, когда он слышит эту безобидную отсылку к «Звездным войнам», но тут звенит звонок, и его лицо становится более серьезным:

– Ну ладно, одиннадцатый класс. Вот они мы.

Не знаю, кому пришла в голову гениальная идея собрать всех учеников в одном зале – в августе и под плохо работающим кондиционером, – но мой нос морщится от запахов дешевого дезодоранта и тысячи потных маек.

– Давай выберемся отсюда, – говорю я сидящему рядом

со мной Гаррету. И он тут же начинает осматривать своими бледно-голубыми глазами помещение по периметру, напоминая мне снайпера.

Люк бросает на меня возмущенный взгляд.

– Это же *первый* день.

– И что?

– А то, что мне не нужны неприятности. – Люк твердит мне это с тех самых пор, как я хотел стянуть из класса песчанку. Нам с ним было тогда по пять лет.

– Тебя никто не спрашивает, – выразительно смотрит на него Гаррет.

Люк кривит губы и складывает руки на груди.

– Учителя все равно перекрыли все выходы.

Я оглядываюсь. Как ни печально, но он прав.

Я все еще пытаюсь обнаружить путь к спасению, когда в зал входит Марисса с телефоном в руке.

– Привет, Сайе! – Она улыбается и перелезает через мои колени, чтобы сесть рядом с Гарретом, и я понимаю, что он не врал, потому что эти двое немедленно начинают целоваться так усердно, что создается впечатление, будто они способны сделать друг другу больно.

Рядом садятся другие наши друзья, но я понятия не имею, где Бриа. Продолжаю оглядывать зал и морщусь, когда мой взгляд падает на Эбби Уайтли, агрессивную христианку, пытавшуюся затащить меня в ее церковь, когда мы учились в средних классах.

Кто-то стучит по микрофону, и я смотрю на сцену. Директор Гардинер, одетый в мятый коричневый костюм, прочищает горло.

– Рад снова видеть вас, ученики старшей школы «Лорел», – произносит он, и зал молчит достаточно долго для того, чтобы он успел объявить, что у него есть для нас настоящий подарок – он готов ознакомить присутствующих со всеми факультативами, которые можно будет взять в этом году.

Фантастика.

Мгновение спустя по залу начинает вышагивать театральный клуб. У них даже походка театральная, словно они учились ходить в классе, а не в реальной жизни.

Снова ищу глазами выходы. Они по-прежнему заблокированы.

Участники театрального клуба разыгрывают до смешного длинный скетч о необходимости подальше держаться от такого зла, как наркотики. Мы ерзаем на месте и таращим глаза. Потом они играют сцену похорон из «Стальных магнолий»¹, и строгая, но справедливая публика начинает свистеть.

Дальше все идет по нисходящей. Появляются члены певческого клуба, шахматного клуба, компьютерного клуба, и публика ведет себя все наглее и все больше напоминает ге-

¹ Кинофильм Герберта Росса (1989). Экранизация одноименной пьесы Роберта Харлинга. Мелодрама.

роев из «Повелителя мух». Когда какой-то чувак советует музыканту, как ему следует поступить с флейтой, к зрителям тяжелой походкой вновь выходит директор школы.

– Учителя. – Он прижимается губами к микрофону. – Будьте добры, запишите имена учеников, которые мешают нашему собранию.

Учителя начинают шастать по проходам, подобно вооруженным дубинками полицейским.

Гарднер какое-то время взирает на аудиторию, затем машет рукой в направлении кулис, и на сцене появляется мальчик с пухлыми щеками и головой в кудряшках; он выкатывает на сцену прикрытую простыней тележку. Колеса громко скрипят в притихшем зале.

– Здравствуйте, – произносит мальчик на удивление уверенным голосом – ведь на вид ему не больше двенадцати. – Меня зовут Эван Замара, и я сегодня представляю научный клуб.

Тут, по идее, зал должен был бы застонать, но ученики покорно молчат.

– Научный клуб планирует несколько замечательных мероприятий – в том числе вечеринку, во время которой мы будем смотреть на метеоритный дождь. – Мальчик оглядывает зал, словно ждет изумленного аханья, но в нем по-прежнему стоит тишина. – Предсказывают падение тысячи метеоритов в час – то есть шестнадцать метеоритов в минуту. В нашей теперешней жизни или даже в следующей не случится боль-

ше ничего подобного.

Среди учеников царит скука смертная.

Невозмутимый мальчик при помощи дистанционного пульта включает огромный экран за своей спиной, и мужской голос начинает вещать о том, как будет выглядеть в эту самую ночь звездное небо.

Люк ухмыляется и смотрит на меня взглядом маньяка.

Я трясую головой, давая ему понять, чтобы он прекратил это дело. Мы тащились от всего космического, когда нам было лет *десять*, но теперь мы слишком стары для подобного. И я начинаю думать, что иметь в друзьях человека, знающего тебя с пеленок, не всегда хорошо.

Тогда Люк выпячивает нижнюю губу и вновь обращает свое внимание на сцену, где все еще вещает ребенок из научного клуба.

– Метеоритный дождь выпадет девятнадцатого августа – то есть ровно через год.

Теперь ученики раздраженно перешептываются. С какой стати он долдонит нам об этом? Все немедленно забудут об этом невиданном дожде.

Проверяю телефон. Мы застряли в этом зале надолго, но дело, несомненно, подходит к концу.

– А теперь эксперимент, – объявляет мальчик.

Боже милостивый.

Он сдергивает с тележки простыню, и становится видно великое множество проводов и лампочек. Мальчик, вертя

тонкими разноцветными проводками, объясняет суть эксперимента, и это скучно до невозможности.

– Если приглушить свет... – Он щелкает выключателем, и в зале становится *немного* темнее. – А теперь...

Но ничего не происходит.

Мальчик чешет в кудрявом затылке и снова вертит в пальцах проводки.

– Ну вот, *сейчас*.

По-прежнему – ничего. Если бы дело было в 1920-х годах, кто-нибудь непременно опустил бы на спину мальчика трость и прогнал бы со сцены. Он снова принимается за проводки, и мое терпение ломается. Нет ничего страшного в том, что мы пропустили два первых урока, но сейчас мы уже просиживаем перерыв.

– Думаю, мне следует подняться на сцену и прекратить его страдания, – тихо шепчу я.

Гаррет смотрит на меня взглядом, означающим, что он потрясен, но в хорошем смысле этого слова.

– Давай.

Люк таращит глаза и мотает головой, и я больше не могу выносить происходящего.

Я встаю.

Пока я иду по проходу, по моему ряду пробегает нервный смех. Прохожу мимо двоих учителей, они, похоже, не понимают, является мое поведение частью шоу или нет. Делая большие шаги, дохожу до центра сцены и смотрю на тысячу

любопытных лиц передо мной.

Впитываю в себя все это.

Затем наклоняюсь к микрофону.

– Я просто хочу сказать, до чего же все это... *экстраординарно*. И, честно говоря, не понимаю, способен ли кто из нас выбрать из невероятного многообразия клуб по душе.

Зал ревет от смеха, словно я лучший из стендаперов, которых они когда-либо слышали.

– Думаю, нам необходимо время на то, чтобы переварить то, что мы увидели, и потому предлагаю разойтись. Немедленно.

Зал сотрясают громовые аплодисменты и топот ног. Курчавый мальчик смотрит на меня снизу вверх глазами Бемби, но тут же опускает взгляд на сплетение проводков.

Директор Гардинер вылетает на сцену и говорит в микрофон:

– Хорошо, мистер Уэйт, спасибо за то, что высказали свое мнение. – Его обиженный тон вызывает новый взрыв смеха. Он смотрит на свои стариковские часы. – Полагаю, все это слегка затянулось... Очень хорошо. Все свободны.

У тебя неприятности? – спрашивает Люк, подойдя ко мне в коридоре несколькими минутами позже.

– А ты как думаешь?

Люк, качая головой, шагает в ногу со мной.

– Какой у тебя урок?

Я показываю ему свое расписание, и его светлые брови

взлетают ко лбу.

– Ты все еще изучаешь этот предмет?

– Ну да.

– Но это же так... так бесполезно.

– Ага, ага, *te futueo et caballum tuum*, – говорю я, и он чуть не лопается от смеха, подобно маленькому ребенку. Я учу его ругаться на латыни, и «да пошел ты и твоя лошадь заодно» – любимое его ругательство.

– Ну серьезно, почему бы тебе не взять испанский, или французский, или еще что-нибудь в этом роде? Или не заняться изучением искусства вместе со мной?

– Люк. У нас с тобой пять общих предметов.

– И что с того?

– И ты уже уговорил меня на психологию.

– Но ведь мисс Уэллс лучшая. Она еще и наша классная руководительница.

– О'кей. Значит, пять предметов и классная руководительница.

– Ну и что с того! Займись искусством.

– Не думаю, что это хорошая идея.

Я не смогу нарисовать что-нибудь даже под страхом смерти.

Когда я прихожу на третий урок, мистер Райвас закрывает газету и поправляет галстук-бабочку в тонкую полоску. Он выглядит как актер, работающий по системе Станиславского и готовящийся к исполнению роли преподавателя, вот

только делает он все неправильно и кажется профессором из девятнадцатого века, а не современным учителем в старшей школе.

– Сайерс, – произносит он официальным тоном.

– Один и единственный. – Я обвожу взглядом пустой класс. Похоже, никто, кроме меня, не записался на углубленную латынь, и это очень странно, потому что из всех языков, что мне известны, латынь – самый, наверное, интересный.

– Ну и как ты провел лето? – спрашивает меня мистер Райвас по-латыни.

– Хорошо, – отвечаю я ему на английском. – Я был в Париже, но там скучно, потом рванул в Испанию, и это оказалось еще скучнее. А вы?

– Хмм. – Оу поглаживает бороду с проседью. – Моя машина сломалась, и потому я ездил в «Таргет»² на автобусе. Это было интересно.

Я хихикаю. У него хорошее, тонкое чувство юмора.

– Забавно.

– На латыни.

– *Istud ridiculum est.*

Он поправляет мое произношение, и я возражаю, говорю, что тут трудно быть в чем-то уверенным, и он улыбается мне и кажется довольным.

– Ну что, готов нырнуть в занятия с головой? – Он вручает мне учебник и расписание уроков, и скоро я начинаю

² Американская сеть магазинов розничной торговли.

путаться в спряжении глаголов и делаю это до тех пор, пока мой телефон – такой же ярко-красный, как и моя машина, – не начинает вибрировать на углу стола. Я получаю несколько эсэмэсок от отца:

Новая квартира.

Посмотри!

Листаю фотографии. На них обычная мечта холостяка – все такое модерновое и серебряное, со множеством окон, занавески же отсутствуют. Мой взгляд цепляет что-то за стеклянной от пола до потолка стеной.

Я пишу:

Это ОКЕАН?

И он отвечает:

Как насчет того, чтобы сходить в воскресенье в кино, и я все расскажу. Можем пойти в Риалто. Ты же любишь их места на балконе.

Ага. Тогда мне было *десять* лет. Мои большие пальцы зависают над экраном. Не уверен, что хочу пойти с ним в кино. Меня не радуют наши с ним развлечения, плюс к этому на выходных будет несколько школьных вечеринок. Но я не виделся с ним уже больше месяца.

Я все еще решаю, как поступить, когда у меня появляется чувство, будто за мной наблюдают, и не по-доброму. Поднимаю глаза и вижу старика, волком глядящего на меня из коридора. Он, неодобрительно пыхтя, вваливается в класс по-

ходкой копа из торгового центра. На поясе у него бренчит миллион ключей.

– Я могу вам чем-то помочь, мистер Элдерс? – спрашивает мистер Райвас.

– Этот ученик пользуется сотовым во время урока? – вопрошает старик.

– У меня все под контролем, – чинно отвечает мистер Райвас. – Но благодарю вас.

Старик с самым что ни на есть хмурым видом выходит из класса.

– Кто это был?

– Новый помощник директора.

– Он что, не знает, кто я такой?

– *Сайерс*. – Мистер Райвас смотрит на меня с легким неодобрением.

– Что? – Но я тут же понимаю, что он имеет в виду, и потому переспрашиваю на латыни: – *Он не знает, кто я такой?*

* * *

Перед звонком с последнего урока проскальзываю в задние двери, продираюсь сквозь толпу учеников и запрыгиваю в мой автомобиль с откидным верхом. Рядом нет никого, кто возражал бы мне, и потому я опускаю крышу и стремительно мчусь по моему городу. По мосту, мимо Уэйтовской библиотеки и площади и максимально быстро добираюсь до ко-

ванных железных ворот на границе моего района.

Сидящий в будке охранник кивает мне и открывает ворота, и я еду по извилистой дороге к моему дому. В детстве мы с Люком называли его *замком*, возможно, потому, что архитектор взял за образец настоящий замок во Франции. В детском саду, когда Люк пытался построить такой дом из «Лего», ему не хватало деталей. И он злил других детей тем, что забирал себе все башенки. У него всегда получалось что-то чудовищно-радужное, но в действительности Уэйт-Хаус – это чистота линий.

Белый камень.

Синяя черепичная крыша.

Все окна симметричны, все кустарники – аккуратные квадраты или идеальные круги.

Нажимаю на кнопку на дистанционном пульте. Открываются еще одни ворота, и я еду дальше по обсаженной деревьями подъездной дорожке к месту для парковки, вылезаю из автомобиля и иду по безупречной зеленой лужайке. Тут есть беседка, фонтаны, английский сад, греческие статуи, а на самом краю владений – густой лес. Моя мама каких только мероприятий здесь не устраивала, а всего через несколько недель этим займусь я. Мама обещала даже уехать на ту ночь, когда состоится вечеринка по поводу нашего возвращения с каникул, так что я буду здесь главным.

Дойдя до задней двери дома, я сосредоточиваюсь. Мне хочется побыть одному, но надо сначала пройти мимо миссис

Марли, а для леди под семьдесят слух у нее просто невероятный.

Иду по мраморному черно-белому клетчатому полу большой комнаты – пока все хорошо, – вхожу в длинный арочный зал и почти добираюсь до лестницы, когда слышу:

– Сайе, солнышко? Тебе что-нибудь нужно?

Я конфужусь и смущаюсь, хотя рядом никого нет. Но, если честно, ни у одного из моих ровесников нет *няни*.

– Все хорошо, миссис Марли! – бросаю я через плечо.

– Хочешь, я принесу тебе что-нибудь перекусить?

Останавливаюсь на ступеньке. Думаю, она счастлива тем, что заботится обо мне, и потому отвечаю:

– Хорошо бы. – А затем прыгаю через ступеньки и вбегаю в свою комнату на третьем этаже. Во все окна льется солнечный свет, а заодно и раздражающий вой робота-газнокосилки. Закрываю жалюзи и бросаюсь на кровать, наконец-то оказавшись в блаженном одиночестве.

В семь часов запикиваю себя в черный костюм, чтобы отправиться на благотворительный вечер в пользу некоего места под названием Оук-Хилл, где работают с проблемными лошадьми, или, может, с проблемными детьми, занимающимися верховой ездой. Я особо не вникаю.

Моя мать ждет меня у подножия главной лестницы. На матери блестящее платье и какие-то сверкающие штучки в светлых волосах. Я спускаюсь к ней, она поднимает голову, и ее лицо озаряет сияющая улыбка.

Тайна, которая умрет вместе со мной, заключается в том, что, когда мне было восемь лет, я купил нам с ней ожерелья лучших друзей – когда у каждого друга имеется половинка сердечка. Я долго носил его в школу – до тех пор, пока один мальчик постарше не спросил меня о нем и не объяснил, что нельзя иметь в качестве лучшего друга собственную мать.

Сейчас на маме нитка изумрудов, но она клянется, что по сей день та латунная половинка сердца – самое любимое ее ювелирное украшение.

– Ты очень мило выглядишь! – Она достает из сумочки телефон и со скоростью опытного стрелка наставляет на меня.

Я со стоном поднимаю руку, но она игнорирует мой жест, и потому я корчу ужасающие гримасы на каждый клик.

– Сайе! – Тон у нее сердитый, но при этом она громко и весело смеется. – Ну хватит – сделай нормальное выражение лица, всего *один раз*.

– Зачем? Ты же знаешь, нас здесь еще миллион раз сфотографируют.

– Но эти фотографии для меня. Так что перестань вести себя как подросток.

Представители нескольких медийных изданий, освещающих событие, спешат сфотографировать нас, и не успеваю я сказать маме «Что я тебе говорил», как нас затаскивают в переполненный бальный зал, где меня тут же окружают легионы ее друзей и коллег.

О боже, он такой красавчик!

У него золотые волосы.

Приглядывай за ним, Надин.

Все ее подмигивания и интонации сейчас гораздо двусмысленнее, чем обычно. Люк сказал бы, что это отвратительно, но мама, похоже, придерживается другого мнения.

Она толкает меня локтем в бок.

– К нам направляется красавчик Бакстер. Он в сенате штата, но, поговаривают, в будущем году будет баллотироваться на пост губернатора. – Она понижает голос до шепота: – *Очаруй его.*

Как только он подходит к нам, я протягиваю ему руку.

– Я слышал, вы будете нашим следующим губернатором.

Он, сияя отбеленными зубами, сердечно жмет мою руку.

– Я пока не могу ничего ни подтвердить, ни опровергнуть. – А затем, наклонившись ко мне, произносит: – Но мой план именно таков.

Мама одаряет меня одобрительной улыбкой, берет сенатора под руку, говорит, что он должен обязательно с кем-то там познакомиться, и они смешиваются с толпой.

Беру бокал шампанского с подноса, который несет официант, и нахожу темный уголок. Скучаяще просматриваю сообщения в телефоне, но тут зал выразительно затихает, и я поднимаю голову.

В зал вошел мой дед. На нем синий фрак, у него стальной взгляд, и выглядит он суровым морским капитаном, но скоро выражение его лица смягчается, как и всегда, когда он видит

мою маму. Он тепло обнимает ее, а потом ведет по залу, раздуваясь от гордости. Они целый час ведут светские беседы, после чего нас проводят в столовую, уставленную покрытыми белыми скатертями столиками со свечами. Я не против подобного уюта, но тут так темно, что я с трудом что-либо вижу.

Увеличив яркость на телефоне, делаю несколько снимков, а затем отсылаю один из них.

Тут же появляются комментарии вроде: «Где ты??» И конечно же: «Завидую!»

– Сайерс, – произносит дед тем повелительным тоном, каким разговаривает со всеми, кроме моей матери. – Почему твой телефон лежит на столе?

Мама весело смотрит на меня и подмигивает, что означает: «*Мы и не думаем принимать его всерьез*». Я, хихикая, продолжаю листать сообщения, и дед утомленно вздыхает, словно у него нет сил спорить со мной.

Мы приступаем к основному блюду нашей трапезы – приготовленному на гриле лососю под розмариново-масляным соусом и круглому стейку, слишком слабо прожаренному даже на мой вкус, – когда к нашему столу подходит мужчина примерно маминого возраста.

– Надин, это ты?

– Чарльз! – выдыхает она. – Как у тебя дела?

– Хорошо, хорошо. – Мужчина поворачивается к деду и почти что отвешивает ему поклон, словно перед ним ко-

роль. – А как поживаете *вы*, сэр?

– Как нельзя лучше, – отвечает дед.

– Я ездил по делам в Хартвью и не мог поверить своим глазам – до чего же все там быстро идет в гору. Это место процветает! Кто бы мог подумать. – Дед приподнимает серебристую бровь, и мужчина быстро добавляет: – Я не имею в виду *вас*, разумеется.

Мой дед – агент по недвижимости и, по всеобщему мнению, обладает прямо-таки сверхъестественным даром – предвидит, что и сколько будет стоить в будущем.

– Боюсь, вам придется извинить меня. – Дед постукивает по часам на руке. – В девять мне нужно сделать один звонок.

– Конечно-конечно. – И в ту самую секунду, как дед встает и уходит, мужчина обращает все свое внимание на меня.

– Неужели это Сайерс!

– Это Сайе, – гордо отвечает мама, словно самолично сконструировала меня в некоей лаборатории. – Мой прекрасный мальчик.

– Когда я в последний раз видел тебя, ты учился в первом классе. – Издав смешок, он снова поворачивается к маме: – Как поживает Джек?

Мамина улыбка меркнет, снова она в шоке или ей больно, но она быстро берет себя в руки:

– Мы с Джеком расстались. – Она всегда говорит *расстались*, а не *развелись*, словно это не так стыдно.

– О... – Мужчина явно смущен. – Мне очень жаль.

– Такова жизнь. – Мама машет рукой, будто все это яйца выеденного не стоит, но я знаю, каково ей приходится. Я помню тот вечер, когда она обнаружила, что папа изменяет ей, и не с одной, а со многими женщинами. Мне известно об этом, потому что я имел обыкновение подслушивать их разговоры, вот я и слышал, как мама спросила: «Кто она?» А отец ответил что-то вроде: «Которая из них?» И во время ссоры крикнул: «Ты и твой отец стремитесь контролировать все и вся! А я, может, не хочу, чтобы меня поглотили Уэйт-ты!»

Когда папа ушел, я покинул свое убежище, и мама крепко обняла меня. Я чувствовал, как сильно она дрожит, но ее голос звучал спокойно: «Все снова будет нормально, вот увидишь. Он попросит прощения – и станет *умолять* позволить ему вернуться».

Но он так и не сделал этого.

Два

Вхожу в раздражающе яркий кинотеатр и надеваю солнцезащитные очки. Я все еще не пришел в себя после вечеринки у Брэкстона, и хотя я позволил себе всего несколько кружек пива, сожалею об этом. Вечер был скучным, и выпивка лишь усугубила скуку. Надо было ограничиться кофе.

Замечаю отца в очереди в буфет. Он разговаривает с девушкой ненамного старше меня. На нем яркая «тропическая» рубашка, белые льняные брюки и лоферы на босу ногу. Я едва узнаю его, потому что у него теперь другой – иссиня-черный – цвет волос.

С какой стати я здесь? Может, если я медленно развернусь...

– Эй, привет! – зовет меня папа и машет руками.

Похоже, назад дороги нет. Я, вздыхая, пересекаю вестибюль, и отец толкает меня в плечо, словно мы с ним старые друзья по колледжу.

– Я уже купил билеты, так почему бы тебе не угостить нас попкорном? – Он говорит слишком громко, слишком театрально, словно мы соперники в какой-то телеигре.

– Ну, конечно, п... – начинаю я, но не успеваю завершить фразу, как он говорит девушке:

– Это мой племянник Сайе. – И подмигивает мне.

– Ага... Здравствуй, дядя Джек.

Он улыбается так, будто никогда не любил меня столь сильно, как в настоящий момент, и тут же переключает внимание на девушку. Помещение заполнено оживленными людьми, обожающими ходить в кино по воскресеньям днем, и я пытаюсь не слушать, как отец клеит девушку. Но это не легко.

До меня доносится, как папа спрашивает, занимается ли она спортом, я не могу удержаться от того, чтобы не посмотреть на нее, и ловлю выражение ее лица, говорящее о том, что она подумывает, а не встать ли в другую очередь. А может даже, не пойти ли в другой кинотеатр.

Я буквально закрываю лицо руками. Все это еще более неловко, чем ответный флирт женщин.

Мой телефон жужжит, и я спешу прочитать сообщение Люка:

Где ты?

В кино с папой, – отвечаю я. – Он заставляет меня называть его дядей Джеком, чтобы он смог закадрить студентку.

Ужас, – отвечает Люк и добавляет блюющий смайлик.

У него, конечно, свои тараканы в голове, – отвечаю я. – Но разве мы не все такие?

В понедельник утром, когда я иду на первый урок, Гаррет толкает меня своим острым локтем.

Слежу глазами за направлением его снайперского взгляда.

да и вижу ребенка – того толстощекого мальчика, который провалил научный эксперимент во время собрания на прошлой неделе. Сегодня на нем майка с *Доктором Кто*, которая мала ему размера на два и туго обтягивает живот. Он идет осторожно, потому что несет большой плоский деревянный ящик, и улыбается при этом так, будто шагает на занятие «покажи и расскажи».

– Ну разве это не самое печальное зрелище на свете? – шучу я.

Мое остроумие вознаграждается смешком Гаррета, а потом его лицо принимает самое дружелюбное выражение, на какое он только способен.

– Привет! – кричит он, и мальчик цепляется кроссовкой за другую кроссовку – они у него какого-то клоунского размера. – Что там у тебя?

Кудрявый мальчишка подходит к нам с простодушной, не помнящей зла улыбкой.

– Это модель для биологии. Я взял за основу старую настольную игру «Операция».

Заглядываю в черный деревянный ящик, и хотя я не готов произнести это вслух, но то, что я вижу, кажется мне очень и очень прикольным. Я пусть и смутно, но помню эту игру: картонного чувака с полостями там, где расположены всякие жизненно важные органы, но сейчас передо мной скульптура, достойная музея.

Я не понимаю толком, из чего она сделана. Может, из гли-

ны? Но кажется она почти что стеклянной – под прозрачной плотью видны мышцы и кровеносные сосуды. На теле несколько разрезов, и в каждом из них филигранно сделанный орган.

– Ты *сам* это смастерил? – Я не могу скрыть восхищение.

Мальчик кивает, кудряшки трясутся, улыбка становится шире.

– Да, и это действующая модель. – Он показывает на красный провод, подсоединенный к двум маленьким металлическим клеммам.

– Вау, – дивится Гаррет. – Мы как-нибудь поиграем с тобой.

Я кошусь на него. Трудно сказать, серьезно он это говорит или нет. Наверное, нет, но вполне вероятно, что гениальный ребенок покорила и его. Звенит звонок, и коридоры заполняются гулом голосов. Гаррет ухмыляется мне, будто на что-то намекая, а потом поворачивается к мальчику и выбивает скульптуру у него из рук.

Она падает на пол и разбивается.

Я, сдерживая испуганный возглас, смотрю на осколки, затем на ребенка, который тарашит на нас огромные обиженные глаза. Он даже не пытается скрыть своего огорчения, словно не понимает, что так было бы лучше, и вид у него до того жалобный, что я готов похлопать его по плечу, как похлопал бы Люка, но меня отвлекает чей-то пронзительный крик.

– Ээээй! – К нам летит парень с суставами как у марионетки и огненно-рыжими волосами, одетый в комбинезон с пятнами от травы на коленках, словно он фермер или кто-то в этом роде. – Что случилось, Эван?

– Ничего, – бормочет Эван и опускается на колени, чтобы собрать обломки сотворенного им произведения искусства. Некоторые органы вывалились наружу, а прекрасно выполненное сердце разбилось на тысячу осколков.

Рыжеволосый смотрит на меня и Гаррета так, словно *прекрасно* понимает, что произошло. Он расправляет свои цыплячьи плечи – наверное, собирается отругать нас, но из его рта вырывается лишь сдавленный птичий клекот. Это так смешно, что я не могу удержаться – и смеюсь.

Гаррету все это не кажется таким уж смешным. Он делает шаг к мальчику-птице, и в голосе того начинается звучать страх.

Встревоженный Эван поднимает голову.

– Блэр, все о'кей. Правда.

– Эй, вы там, мальчики! – К нам направляется учитель.

– Пошли, – говорит мне Гаррет, и мы исчезаем в толпе.

Когда я сажусь за стол, мистер Райвас выразительно смотрит на часы на стене. Я довольно сильно опоздал, но, по крайней мере, он не добавляет саркастическое: «*Очень мило с вашей стороны, что вы присоединились к нам*». Он начинает просматривать какие-то бумаги на столе и берет в руки мою контрольную работу. На ней написано число 100 и три

восклицательных знака.

– О. Клево. – Я откидываюсь на спинку стула.

– Отличная работа, Сайерс. *Отличная.* У тебя, похоже, прекрасные способности к языкам.

– Ага...

– И знаешь, что я думаю?

– Хмм? – Я рассеянно делаю глоток ванильного латте.

– Я думаю, ты сможешь достичь таких успехов *во всем*, к чему будешь прилагать усилия, а не только в латыни. – И, к моей досаде, он раздражается речью типа ты-умный-но-не-стараешься, а для понедельника это слишком.

Продолжаю пить кофе и жду, когда мистер Райвас устанет, но спустя несколько минут понимаю, что мои ожидания напрасны.

– Мистер Райвас, ничего личного, но какое это имеет значение?

– Ты о чем?

– Я об отметке и о школе в целом.

Мистер Райвас ошарашенно смотрит на меня.

– В старшей школе ты готовишься к поступлению в колледж. Если у тебя хорошие отметки, то перед тобой открывается больше возможностей. А колледж – место, задающее вектор твоей карьеры. Так что, конечно же, все это очень и очень важно.

– А с вами было так же? Вы действительно хотели стать учителем?

– Разумеется.

Изучаю его лицо и пытаюсь понять, он говорит то, что, по его мнению, должен сказать, или же он вполне искренен. Похоже, ему и в самом деле нравится сидеть в этой комнатенке с вытертыми полами и плохой вентиляцией. И улыбается он так, будто ничего другого ему не нужно.

– Мои оценки не имеют для меня никакого значения, – объясняю я. – Я в любом случае поступлю в хороший колледж, а потом буду работать в семейной компании. Если захочу, разумеется. Не важно, буду я что-то делать или нет, деньги у меня не переведутся.

Мистер Райвас кивает сам себе, какое-то время смотрит в сторону, затем снова на меня. И, должно быть, я неправильно истолковываю выражение его лица, потому что на нем читается *жалость*.

Я начинаю думать, что мисс Уэллс может стать моим новым любимым учителем. Она не пичкает нас обидными проповедями, подобно мистеру Райвасу, а концентрирует наше внимание на предмете.

В данный момент она ведет седьмой урок – психологию и, не пользуясь учебными слайдами в PowerPoint, возбужденно вещает об исследованиях, доказывающих, что свидетельства очевидцев могут быть очень ненадежны. Оказывается, память у людей ужасающе неточна – а иногда мы просто-напросто «изобретаем» свои воспоминания.

Она погружается в детали эксперимента, во время кото-

рого психологи просили родителей рассказать своим взрослым детям, как они потеряли их в торговом центре, чего в действительности не было. И скоро дети не только вспоминали этот инцидент, но и разукрашивали его тоннами деталей типа где они были и как себя чувствовали, и выдумывали даже некоего персонажа, который якобы помог им найти членов их семей.

Люк до такой степени увлечен ее рассказом, что, похоже, вот-вот свалится со стула.

– Эти исследования показывают, до чего же просто внедрить в нашу память ложные воспоминания, – говорит мисс Уэллс, напоминающая мне современную Белоснежку с тонкими чертами бледного лица и короткими черными волосами. Рука Люка взмывает вверх, учительница улыбается ему, и ее ладонь принимает такую форму, что кажется, она собирается спеть что-то мультяшным животным. – Да, Люк?

– Получается, что воспоминания можно внедрить... но можно ли их *стереть*?

О боже, да он сейчас заговорит об инопланетянах, я его хорошо знаю.

Когда мы учились в начальной школе, то были одержимы пришельцами и всем с ними связанным, прочитали тонны книг, где приводились «правдивые» рассказы людей, похищенных некогда инопланетянами; эти люди утверждали, будто напрочь забыли о столь важных событиях в их жизни и вспомнили только после сеансов гипноза.

Теперь все это кажется смешным, но некоторые из подобных историй были ужасающими. Скажем, был среди рассказчиков один парень, который клялся и божился, что существо с другой планеты поместило его в освещенную красным светом комнату на космическом корабле, от пола до потолка заставленном аквариумами. И только когда он подошел к ним ближе, то обнаружил, что там вовсе не рыбы, а эмбрионы гибридов людей и пришельцев.

Я воспринимал подобные истории как страшилки и никогда *не верил* им. В отличие от Люка.

– Хм-м, – тянет мисс Уэллс и начинает рассказывать о разных видах потери памяти, таких как лакунарная амнезия и диссоциативная fuga, а затем перечисляет ментальные ловушки – говорит о синдроме Капграса, лимском и стокгольмском синдромах. Но добавляет, что все это сложно и пока что не изучено.

Я задумываюсь, а существует ли такое расстройство психики, при котором ты красишь свои волосы в иссиня-черный цвет и делаешь вид, что у тебя нет сына. Вполне возможно, случай моего отца описан в каком-нибудь медицинском журнале.

Мисс Уэллс продолжает говорить, и основной вывод, по всей видимости, будет таким: «Наш мозг – абсолютная тайна».

Три

– Сайе? – стучит в дверь моей комнаты миссис Марли.

Прячу лицо в подушку.

– Что?

– Уже восьмой час.

– Знаю, – протягиваю я, хотя понятия не имею о времени.

Слышу, как она неодобрительно кудахчет, и нащупываю на тумбочке телефон. Проверяю, какое сегодня число, и узнаю температуру воздуха – первое октября, пятнадцать градусов тепла. Это моя любимая погода, наверное, надо будет надеть легкую куртку.

Идти в спортивный зал уже поздно, и я сползаю на пол, чтобы по-военному отжаться, как меня научил Гаррет. Медленно сгибаю локти, опускаю грудь до тех пор, пока она не оказывается ниже сгиба локтей, и приподнимаюсь.

Когда я делаю это пятьдесят раз, мои бицепсы начинают гореть, но я не останавливаюсь.

Вниз, пятьдесят один.

Вниз, пятьдесят два.

И так до ста раз.

Придя таким образом в чувство, запрыгиваю в душ, а потом быстро, но внимательно изучаю свое отражение в зеркале. Физические упражнения дают результаты – мои руки определенно стали мощнее. Умываюсь и слегка хмурюсь, ко-

гда пальцы проходятся по младенчески гладкой коже. По-прежнему никаких признаков растительности на лице, но папа говорит, так у него было до самого колледжа.

Вздыхая, спускаюсь по лестнице на первый этаж, где мама указывает прислуге, как украсить дом опавшей листвой.

Когда я был маленьким, то умолял ее позволить нам на Хэллоуин превратить наше жилище в дом с привидениями, но она сказала, что это пошло и безвкусно, и я знаю, что у нас никогда не будут гореть в тыквах свечи.

Она улыбается, увидев меня.

– А что ты думаешь по этому поводу?

– Получится мило.

– Мне нужно поговорить с тобой. – Теперь у нее самое что ни на есть серьезное выражение лица. – Ты, скорее всего, слышал, что твой отец переезжает.

Я сразу замыкаюсь в себе.

– Ага.

– Хочешь поговорить об этом?

– Не-а.

– Сайе...

– А *ты* хочешь это обсудить?

Она молчит и смотрит на меня так, будто ей трудно иметь со мной дело.

– Я не против. А ты?

– Мама. – Запускаю пальцы в волосы. – Для меня это не имеет никакого значения. Я практически не вижусь с ним. –

Но она определенно не верит мне. И это начинает раздражать меня. – Так оно и есть. – То есть, конечно, это странно, что папа решил перебраться в другую страну – и даже купил там дом, никому ничего не говоря, – но меня это совершенно не волнует. – Сейчас восемь утра. И мне необходим кофеин, а не разговор по душам.

– Хорошо-хорошо. – Она поднимает руки. – Давай сменим тему. Я еду в Даллас готовиться к праздничному вечеру и задержусь там, возможно, допоздна, так что ты будешь предоставлен сам себе. Но я могу попросить миссис Марли остаться после работы, если ты того хочешь.

– Мамочка, пожалуйста, не делай этого. Ведь мне *шестнадцать*.

Она улыбается и треплет меня по щеке пальцами с идеальным маникюром.

– Да, знаю. Совсем взрослый.

Потягиваю кофе из «Старбакса» – не значащееся в меню мокко и вполуха слушаю удивительно интересный рассказ о религиях мира. Но основное внимание я уделяю сообщению Брии:

Собрание отменяется. Хочешь пойти куда-нибудь после школы?

Мои пальцы летают по клавиатуре:

Как насчет моего дома? Там никого не будет.

Она тут же отвечает:

Давай встретимся на площади. А потом...

И добавляет подмигивающий смайлик.

– Миссис Симс! – Все фантазии, возникающие у меня в голове, немедленно улечиваются при звуках возмущенного голоса Эбби Уайтли.

– Да, Эбби? – осторожно говорит учительница.

– Все это оскорбляет мою веру. Я не могу слушать о ложных кумирах.

Парочка учеников – прихожан той же церкви, куда ходит Эбби, поддакивают ей, и миссис Симс нервно заламывает руки. Откинувшись на спинку стула, закрываю глаза. Означает ли смайлик Брии то, о чем я думаю? Она говорила, что хочет подождать до вечера встречи после каникул, но, может, передумала.

– Вот по этой причине люди ненавидят воскресенье даже больше, чем понедельники, – ворчит кто-то из учеников, а еще кто-то кричит: – Я тоже христианин! Но это не означает, что мы не можем даже *говорить* о других религиях. Задавать *вопросы* – не кощунство.

Стараюсь отключиться от происходящего и представляю Брию у себя дома, в моей комнате, в моей постели. На ней кружевной топ... и она снимает его. А я снимаю...

– Нет, это действительно богохульство, – настаивает на своем Эбби. – Вспомните, что произошло с Люцифером! – В ее голосе звучит чувство превосходства. – Люцифер был любимцем Бога, но потом он задал Ему неуместные вопросы

и был низвергнут в ад.

Некоторые ребята устремляют нервные взгляды в потолок, словно боятся, что Бог накарает и их.

– Значит, это Бог сотворил дьявола? – Невинный вопрос Люка звучит так, будто он смеется над Эбби, но я прекрасно понимаю, что спрашивает он искренне.

– *Нет*, – нетерпеливо отвечает она. – Бог сотворил *Люцифера*. Люцифер был ангелом, Его созданием, практически Его ребенком. Но встал на сторону зла.

Люк, похоже, обдумывает услышанное.

– Значит, Люцифер сможет выбраться из ада, если попросит прощения?

– Разумеется, нет. В аду оказываются *навечно*.

И я вспоминаю вот что. Няня, работавшая у нас до миссис Марли, пыталась добиться от меня хорошего поведения и сказала, что Бог составляет списки всех плохих и всех хороших наших поступков. А когда кто-то умирает, Он сверяется с этим списком, и если плохих поступков в списке больше, чем хороших, то отправляет этого человека в ад. И человек будет гореть там вечно. Никакого второго шанса и никакого выхода.

Все начинают спорить друг с другом и делают это так громко, что я едва слышу, как миссис Симс звонит в колокольчик.

– Ребята! Мы отклонились от нашей темы. Сядь, пожалуйста, Эбби.

Эбби опускает уголки губ, корча печальную гримасу, но делает, что было велено.

Миссис Симс тяжело вздыхает.

– Кто-нибудь *еще* хочет высказаться?

Руку поднимает девочка с длинными косами.

– Я хочу. Все это – бессмысленно. – И она начинает вещать о том, что наш мир – помойка. Голод, убийства и насилие доказывают, что Бога не существует.

– Как ты можешь так говорить? – Эбби выглядит искренне расстроенной. – Бог *любит* нас. Он послал своего единственного сына, Иисуса, чтобы тот умер на кресте во искупление наших грехов.

– Так значит, из ада невозможно выбраться? – В распахнутых глазах Люка плещется беспокойство, словно он воспринимает все услышанное очень серьезно. В этом заключается одна из проблем Люка. Он верит всему, что ему говорят, если это сказано авторитетным тоном.

– Да, – стоит на своем Эбби. – Невозможно.

Глаза у Люка становятся еще больше. Эбби вгоняет его в панику, и это начинает меня злить. Я со стуком ставлю стакан с кофе на стол.

– И что это за отец такой, если он позволил распять своего сына на кресте?

Все поворачиваются в мою сторону.

– Я считаю, он самый настоящий засранец.

Несколько секунд в классе царит ошеломленное молча-

ние, а потом все раздражаются хохотом.

– И это называется любовью? – продолжаю я.

Эбби смотрит на меня ледяным взглядом.

– Это называется *жертвой*.

Когда я прихожу в столовую, Люк сидит там в одиночестве за нашим столом у окна и с перекошенным от страха лицом пытается открыть пакетик с «Читос». Я с глубоким вздохом забираю у него пакетик и открываю. Он достает одну штуку и жует ее с самым расстроенным видом, с каким только можно жевать чипсы.

– Люк, это просто смешно. Ада не существует.

– А как же тогда людей наказывают за то, что они натворили?

– Ну ладно, ладно, хорошо. Мы просто заплатим штраф, купим – как там учительница назвала это? *Индальгенцию*? И попадем на небеса. Такой вариант тебя устраивает?

– Это не сработает! Нельзя купить избавление от ада!

– Люк, да я шучу.

Но он продолжает нервно постукивать пальцами по пакету чипсов, и тут к нам присоединяются Лекс и Бриа. В руках у них пачки документов школьного совета, и девчонки похожи на двух бизнес-леди, вернувшихся с заседания совета директоров банка.

– И о чем мы разговариваем? – интересуется Бриа.

И я отвечаю:

– Об аде.

Лекс целует Люка в макушку и зарывает лицо в его светлые густые волосы. На ней стильный комбинезон, вполне пригодный для красной ковровой дорожки, а Люк в укороченных джинсах с подтяжками – так одеваются те, кому хочется выглядеть отличниками.

– Ты не попадешь в ад, малыш, – заверяет его Лекс.

Люк бросает на меня смущенный взгляд.

– Я написал ей о моих опасениях.

– А почему мы вообще говорим об этом? – желает знать Бриа.

– Эбби Уайтли напугала его до чертиков на уроке всемирной истории, – объясняю я.

– А что, если она права? – скулит он.

– Люк, *хватит*. – Протягиваю ему пакетик, и он берет еще одну чипсину. – Даже если ад есть, это ничего не значит. Ты – последний, кто туда попадет. – Честно говоря, мысль о том, что Люк может быть отправлен в ад, настолько абсурдна, что я не могу серьезно к ней отнестись.

– Сайе прав, – говорит Лекс. Вот уж не думал, что она когда-нибудь произнесет эти два слова.

– Ад – это так депрессивно. Может, поговорим о чем-нибудь повеселее? – Никто не возражает, и Бриа вручает мне квадратик золотой материи.

Я, сконфуженный, беру его.

– Э, что за прикол?

Люк хихикает, и это хорошо: значит, он успокаивается.

– Это образец цвета моего платья для нашей вечеринки! – сияет Бриа. – Твой галстук должен гармонировать с ним.

– А, понятно. – Отдаю ей лоскуток. – Мальчики будут в красных галстуках.

Улыбка Брии меркнет.

– Ты действительно хочешь одеться так, чтобы твой костюм подходил по цвету к костюмам других мальчиков?

Вместо того чтобы ответить, я съедаю еще одну чипсину, и Бриа издает BLEЮЩИЙ звук, подразумевая, по всей видимости, что я баран, и это смешно, потому что другие *меня* копируют, а не я их, но я все же одаряю ее моей лучшей ослепительной улыбкой.

– Все остальные пары будут в сочетающейся одежде. Ты ведь знаешь об этом, верно? И ты затмишь всех этих стандартных девиц.

– О'кей. Прекрасно. Я согласна соответствовать твоему образу, но тогда, *пожалуйста*, пусть на афтепати будет слон.

Лекс громко смеется, думая, будто Бриа шутит, но не тут-то было.

– Бриа, я же говорил тебе: темой вечера будут великолепные 1920-е, а не *цирк*. Слон никак туда не впишется.

– Неправда. Помнишь фильм «Энни»? Там в самом конце большой вечеринки привели слона. А это были 1920-е.

Совершенно очевидно, что Бриа мечтает об этом с детства, и потому я сдаюсь.

– О'кей, ты меня убедила. Если такова твоя мечта, то по-

чему бы и нет?

Бриа с визгом бросается мне на шею.

Лекс выглядит совершенно ошарашенной.

– Великому Гэтсби далеко до тебя, Сайе.

– Умоляю. Ты вообще читала эту книгу? Гэтсби не заморачивался насчет своих вечеринок – он все время держался в тени.

– Но *ты-то* будешь в центре внимания, правильно я понимаю? – ехидничает Лекс.

Бриа замирает и переводит взгляд с меня на Лекс, и создается впечатление, что она улавливает наконец ту напряженность, которая существует между нами вот уже несколько месяцев.

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть на виду, верно? – наконец нарушает молчание Бриа, бросая на Лекс обиженный взгляд.

Лекс явно хочется поспорить, но, по всей видимости, сегодня у нее нет на это сил, и она начинает тыкать зубьями пластмассовой вилки в салат в миске. Вид у этого салата совершенно убогий – несколько чахлых листьев и одинокая помидорка-черри.

Кто-то проходит мимо нашего столика с подносом, уставленным мисками с ароматной едой, и я морщусь.

– Не могу дождаться, когда мы будем обедать не в школьной столовой. Поглощение еды здесь – признак... деградации.

– А меня удивляет, что такие люди, как ты, учатся в обычных школах, – бормочет Лекс, и это можно расценить как комплимент, вот только в ее голосе слышны фальшивые нотки.

– В девятом классе я учился в интернате.

– Неужели? – Ее идеально изогнутые брови взлетают вверх. – А почему ты оттуда слинял?

Не успеваю я и рта открыть, как Люк отвечает за меня:

– Слишком много правил и ограничений.

После школы Бриа садится на пассажирское сиденье моего автомобиля с открывающимся верхом, и спустя несколько минут я въезжаю в парковочный гараж на площади. Бриа обновляет блестящую красную помаду перед зеркалом в солнцезащитном козырьке, и мы выходим из машины. Жму на брелок, чтобы поставить машину на сигнализацию, и слышу привычное попискивание.

Когда мы входим в лифт, мой пульс начинает частить. Бриа обожает лифты, а это значит, что теперь я их тоже обожаю.

С озорной улыбкой она нажимает на кнопку с цифрой «шесть».

Мы устремляемся вверх, и я целую ее.

Мы ездим вверх-вниз столько раз, что я теряю счет. Мы целуемся до упада, и наконец я, выдохшийся, готов отменить кофе, но тут мы снова оказываемся на первом этаже, и на этот раз Бриа позволяет дверям лифта открыться.

Мы направляемся в «Старбакс», где наши друзья уже пьют ореховый латте с кленовым сиропом и тыквенный фраппучино. Здесь Люк и Лекс, Гаррет и Марисса и еще всякие люди – без пары, недавно образовавшие пары и те, кто вскоре образуют пары.

Они радостно здороваются с нами.

Взяв напитки, мы с Брией присоединяемся к ним. Разговор идет о том, как замечательно проходит этот год, а затем последует выпускной класс, а затем – о боже ты мой! – колледж!

Мне скучно, и я молча потягиваю кофе. Я подозреваю, что колледж – точно такое же место, как это, только почтовый индекс у него другой.

Мы сидим в кафе примерно час, когда я замечаю, что Бриа с хмурым видом смотрит в свой телефон. Толкаю ее локтем, и она показывает мне сообщение, только что присланное ее мамой:

Бebиситтер не пришла! Бетани дома ОДНА!

– Прости, Сайе, – вздыхает Бриа. – Похоже, я не смогу сегодня побыть с тобой.

Я довольно сильно расстроен – никогда еще дом не был только в моем распоряжении, – но встаю, чтобы уйти.

– Ребята, это никуда не годится! – протестует Марисса. – Мы даже не сделали селфи.

И не успеваю я глазом моргнуть, как она достает телефон, и все впечатывают свои лица в мое, фотографируясь. Теле-

фон Брии снова подает признаки жизни, и она настаивает, что теперь ей точно надо идти.

Мы садимся в лифт – никаких поцелуев на этот раз, – и скоро я останавливаю автомобиль перед ее домом, на крыльце которого стоит, куксясь, ее сестричка.

– Хочешь войти? – предлагает Бриа. – Поможешь мне заниматься ребенком.

– Э... Думаю, это не мое.

– Наберешься опыта. Уверена, ты будешь хорошим отцом нашим детям!

– Нашим *детьми*? – Но у нас и секса пока что не было. И мы все еще *школьники*.

– Поговорим об этом позже. – Бриа клует меня в щеку и выходит из машины.

Когда несколько минут спустя я подъезжаю к своему дому, солнце уже садится. Проверяю телефон. У поста, в котором отметила меня Марисса, уже пятьсот лайков, и их становится все больше.

Беру чуть теплый кофе из держателя для стаканов и пью его, шагая по дорожке. Наступает холодная погода, и листья на деревьях начинают менять цвет, но сейчас слишком темно, чтобы разглядеть это. Опавшая листва кажется серой, а статуи – просто силуэтами с длинными тенями.

Странно – одну из статуй почему-то переставили, и она оказалась в одном ряду с деревьями.

Гадаю, кто мог сделать это. Они же такие тяжелые, и, что-

бы переместить их, нужен вилочный погрузчик, то есть осуществить подобное спонтанно невозможно.

Кошусь в ту сторону, и вдруг меня осеняет.

Это не статуя.

На краю леса стоит какой-то мужчина и наблюдает за мной.

Четыре

Моя первая мысль – это, должно быть, садовник, что, конечно же, полная бессмыслица. У этого человека нет в руках нужных инструментов, да и сейчас слишком темно, чтобы работать во дворе.

Мужчина начинает сокращать расстояние между нами.

Делаю еще один глоток кофе.

Это крупный, приземистый парень с коротко остриженными волосами. Я не узнаю его, но он, должно быть, работает на мою маму. Может, имеет какое-то отношение к организации праздничного вечера.

Но с какой стати он здесь, если все остальные в Далласе?

Мужчина ускоряет шаг, и я обнаруживаю, что сую руку в карман и достаю мобильник.

– Не надо! – разносится по двору его глухой голос.

Мой палец в нерешительности зависает над экраном.

– Я новый охранник!

Мои глаза сужаются. На нем обычная зеленая армейская форма.

– Я не хотел напугать вас. – Теперь он всего в нескольких футах от меня.

– А я и не испугался.

Он открывает кожаную папку у него в руках.

– Это ведь Уэйт-Хаус, правильно?

– Да.

– Я обхожу эту местность.

– И зашли к нам?

– Прошу прощения. Территория такая большая, что трудно сказать, где начинаются и где заканчиваются ваши владения. А я зашел сюда со стороны леса.

– А почему вы совершаете обход? На это есть какие-то особые причины?

– Нет, вовсе нет. Но я считаю, что предосторожность – вещь хорошая. – Он шарит глазами вокруг, словно мы очутились посреди боевых действий, а я смотрю на дверь, желая поскорее очутиться в доме.

– Ну, рад был познакомиться с вами, – говорю я, надеясь, что он поймет, на что я намекаю.

– Взаимно.

Провожая его до ворот и закрываю их за ним. Слова охранника не убедительны. Наш лес обнесен забором, и совершенно непонятно, как кто-то мог забрести сюда случайно.

Надо будет расспросить маму – допиваю кофе, – если не забуду.

Пять

Под «Успокаивающие звуки природы» мы работаем с учебниками на уроке мисс Уэллс. Она считает, это помогает сосредоточиться. Внезапно динамик над нашими головами оживает, чтобы сообщить утренние новости.

– Хорошего понедельника, старшая школа «Лорел»! – бодро говорит какой-то мальчик, его голос то и дело прерывается помехами. – Праздник по поводу возвращения с каникул состоится в эту *пятницу*! Вы уже купили билеты? – Бриа поворачивается ко мне с взволнованной улыбкой на лице. – Классные руководители раздадут бюллетени для голосования. Голосуйте.

Мисс Уэллс, как по приказу, начинает раздавать квадратные листочки оранжевой бумаги, и секунду спустя Бриа с визгом встает и сует мне под нос свой бюллетень. Мы с ней оба номинированы, равно как Лекс, Марисса и еще несколько человек из нашей тусовки.

Класс поздравляет нас, и Бриа делает старомодный реверанс, притворяясь, что на ней юбка, а не спортивные штаны, потом соединяет руки перед лицом, будто в молитве.

– Господи, пожалуйста. Пусть мы победим!

Закончив задание, я говорю мисс Уэллс, что мне нужно в учительскую.

Люк корчит гримасу, типа я-знаю-что-ты-врешь, но я иг-

норирую это, выхожу в коридор и встречаю там Гаррета и Брэкстона. Гаррет сегодня во всем черном, в то время как на Брэкстоне ярко-синяя кожаная куртка, а его волосы уложены в стиле аниме. Он расстегивает куртку, и я вижу бутылку с чем-то алкогольным, мы направляемся к крытой галерее, соединяющей два здания, и натываемся на Эвана Замару.

Его глаза распахиваются.

– Привет, *Операция*, – говорит Гаррет, и Брэкстон издает смешок. – А где твой бойфренд?

Полные щеки Эвана краснеют, несмотря на загар.

– Мы не бойфренды, – мямлит он.

– А кто? – Голос у Гаррета такой тихий, что его слова звучат пугающе.

Эван открывает рот, вроде как желая ответить, но вместо этого подается в сторону, и Гаррет встает у него на дороге. Мне хочется, чтобы здесь был Птица. Он забавный. Эван же просто прирос к месту, подобно печальному второкласснику, которого родители забыли забрать из школы после уроков. Он просто стоит, сжимая в пухлых руках учебники. У него на суставах еще остались ямочки, какие бывают у маленьких детей, и я задаюсь вопросом, а сможет ли он когда-нибудь пройти через пубертатный возраст, и тут меня ошорошивает неожиданная мысль.

– Эй, ты – юное дарование или что-то в этом роде, верно?

Эван удивленно таращит на меня большие карие глаза.

– Э-э-э, я изучаю углубленно некоторые предметы, но во-

обще-то я десятиклассник.

– Ты перепрыгнул через несколько классов? – продолжаю допытываться я, и Брэкстон снова хихикает.

Двойная дверь за нашими спинами распахивается. К нам танцующей походкой приближается Люк, но внезапно останавливается, и вид у него становится озадаченным.

Гаррет со скучающим видом отходит от Эвана.

– Ладно, свободен.

Мальчик не сходит с места, словно боится, что Гаррет сделает ему подножку.

– Ну давай же. – Гаррет легонько гладит его по кудрявой голове.

Эван, будто очнувшись, проносится мимо сконфуженного Люка.

– А что было раньше? – спрашивает Люк, когда мы едем на машине к моему дому.

– Ты о чем?

– Об Эване Замаре. – Он смотрит на меня взглядом, каким дозволено смотреть только ему. – Вы что, пацаны, измываетесь над этим мальчиком?

– Измываемся над ним? А так в наше время еще говорят?

– Ты понимаешь, о чем я. Что вы с ним сделали?

– Ничего *не сделали*. Скажи лучше, в какое время вы с Лекс встречаетесь с нами в пятницу?

– Мы не встречаемся.

– *Серьезно?* Почему нет?

– Потому что Лекс в присутствии Гаррета чувствует себя неуютно.

Я расстроен.

– Но мы же хотели все вместе поехать на вечер на лимузине.

– Это было еще до того, как Брэкстон сказал, что он закажет лимузин, и все загорелись этой идеей.

– Значит, ты прекратишь общаться со своими друзьями лишь потому, что они не нравятся твоей девушке?

– Если бы речь шла только о вас с Брией, все было бы нормально. Лекс просто считает, что ты избалованный ребенок...

– Она так *сказала*?

– Что-то вроде этого. Но Гаррет – другое дело. Она его боится.

Я замолкаю. Не могу представить, что Лекс кого-нибудь боится.

– Почему? Да, его шутки не всегда милы, но он человек безобидный.

– Он вовсе не безобиден. Ему нравится обижать людей, причинять им боль. Он тащится от этого. Он чудовище, чувак.

– Да у тебя все чудовищно.

Люк на какое-то время затихает. А потом произносит:

– Сайе... можно я тебе кое-что скажу?

– Да ты и без разрешения скажешь. – Его лицо принимает

обиженное выражение, и я издаю стон: – О'кей, о'кей, давай, говори.

Честные зеленые глаза Люка встречаются с моими.

– Ты больше не смеешься.

– Да я того и гляди расхохочусь прямо сейчас.

– Я серьезно.

– Это-то и смешно.

Он скрещивает руки на груди:

– Знаешь что? Есть разница между смехом *над* кем-то и радостным смехом. Я хочу спросить: ты больше ничего не хочешь?

– Чего, например?

– Я имею в виду вот что. Ты ничего *не хочешь*, потому что за тебя хотят другие.

Его слова смущают меня.

– Да о чем ты вообще говоришь?

– Я говорю, что кое-чего хочу. Для тебя.

– О'кей...

– Я хочу, чтобы в тебе снова проснулся интерес хоть к чему-то.

– Ты хочешь, чтобы у меня появилось хобби?

– Нет... цель.

– Цель? Ты что, подался в монахи?

Его голос смягчается:

– Я много думал об этом. У каждого человека должна быть цель, Сайе.

– Правда? А у тебя она есть? Какая?

– Ну... Цели у меня *пока что* нет. Но я ищу ее. Мы же все в ее поисках. Но в последнее время ты будто... отстранился. Я не хочу сказать, что в этом виноват Гаррет, но с тех пор, как ты начал общаться с ним в прошлом году, ты...

– Что я?

– Ты стал *другим*. Похожим... похожим на Брэкстона! Раньше ты считал его идиотом, и...

– А ты считал его интересным и симпатичным.

Люк морщит нос, подобно кролику.

– *Брэкстона?* Да ты спятил.

– Да-да, так оно и было. В четвертом классе ты послал ему открытку от тайного обожателя.

– Я послал ее брату Брэкстона.

– О. Ну так они два сапога пара.

– Вот только его брат не придурок, а Брэкстона ты всегда считал именно таким, а теперь вы с ним друзья? Об этом-то я тебе и толкую. Ты никогда не насмехался надо мной, но...

– С какой стати мне смеяться над тобой? – Теперь я серьезен и поворачиваюсь лицом к нему. – Мне до лампочки, кто там тебе нравится.

– Верно, потому что ты не издеваешься над людьми. Но Гаррет...

– *Люк*. – Мое терпение лопнуло. – Может, хватит? Мне не нужна проповедь о том, будто Гаррет – Антихрист, оказывающий на меня дурное влияние. Я способен сам принимать

решения.

Шесть

В четверг Гаррет и Брэкстон курят одну сигарету на двоих, пока мы все стоим, прислонившись к моему автомобилю, припаркованному у школы. Тэннер – мускулистый двенадцатиклассник, занимающийся боксом вместе с Гарретом, – незаметно подкрадывается к нам и по очереди ударяет кулаком по нашим кулакам. На улице хорошо, воздух кажется хрустящим, но запах дыма раздражает меня.

Нетерпеливо просматриваю ленту в телефоне, но тут мое внимание привлекает громкий звук автомобильного глушителя. Минуту спустя на стоянку, дребезжа, вкатывается допотопный красный пикап с невероятных размеров колпаками на колесах.

– Похоже, Белла Свон перебралась в Техас, – шутит Гаррет.

Мы смеемся и смотрим, как дверца со стороны водителя со скрежетом открывается, и ждем, что наружу выпрыгнет какая-нибудь закусившая губу новая девица. Но вместо этого наблюдаем пухлощекого, с пружинами-кудряшками Эвана Замару, улыбающегося широченной – от уха до уха – улыбкой.

Могу поклясться, Бог, объединившись с Люком, доставил сюда этого ребенка просто для того, чтобы испортить мне настроение. Я вспоминаю лекцию, прочитанную мне на днях

Люком, а также то, как Бриа говорила «бе-е-е» и фактически обозвала меня бараном.

– Операция достаточно большая для того, чтобы водить машину? – ошарашенно произносит Брэкстон.

– Милый грузовичок! – замечает Гаррет.

Улыбка Эвана гаснет, он быстро идет к школе.

Гаррет тушит сигарету черным байкерским ботинком и, подобно реактивной ракете, вместе с другими парнями устремляется за Эваном. Я какое-то время пребываю в нерешительности – это действительно так, – но потом мне приходит в голову мысль: с какой стати я должен отказываться от своего чувства юмора только потому, что у Люка его нет?

И я догоняю их.

– Если по чесноку, – говорит Тэннер, когда мы догоняем Эвана в коридоре, – этот грузовик – коллекционный экземпляр.

– Спасибо, – бормочет Эван.

– А я и не знал, что водить теперь разрешается с десяти лет, – в свою очередь ерничает Брэкстон.

Эван краснеет.

– Мне *шестнадцать*. Как раз сегодня исполнилось.

Вот дерьмо. По негласным правилам, нельзя задирать людей в их день рождения. Я смиренно пожимаю плечами, но Гаррет лишь выгибает темные брови и подходит ближе к Эвану.

– Твой день рождения *сегодня*? – спрашивает он.

Эван кивает, медленно.

– А почему ты нам этого не сказал? Брэкстон цепляет на лицо псевдовзволнованную ухмылку. – Мы бы приготовили для тебя подарок!

– Но ему было бы далеко до этого потрясающего грузовика, – добавляет Гаррет. – Как долго ты на него копил?

– Мне его купили родители.

– Страшно не хочется доводить это до твоего сведения, дитя... – Гаррет вроде как сочувственно сжимает шею Эвана, – но, думаю, они не слишком-то тебя любят.

* * *

На седьмом уроке – это психология – жужжит мой телефон.

Сообщение от Брии:

Ты все еще намерен отвезти меня и Мариссу домой?

Конечно, – отвечаю я.

Но сначала нам нужно переделать кое-какие дела в спортзале... Последние приготовления к завтрашнему вечеру!

Хочу было послать ей эмодзи с большим пальцем вверх, но меня отвлекают жалобный лай и визг, раздающиеся из динамиков.

Мисс Уэллс больна, а заменяющая ее учительница пока-

зывает нам старый документальный фильм и велит записывать значение встречающихся в нем терминов. В этом фильме ученый из 1970-х годов бьет током собак из тех же 1970-х. Половина собак способна прекратить это дело, нажав на рычаг, но собаки из другой группы могут жать на этот рычаг до посинения, поскольку удары током прекращаются, только когда решает ученый.

– До чего же это жестоко, – ноет Люк. – Почему вы заставляете нас смотреть такое? Хотите нас травмировать?

Большинство ребят поддакивают ему, но учительница шикает. На экране появляется надпись «ВТОРАЯ ЧАСТЬ».

Теперь собаки помещены в ящики, называемые *шаттл-боксами* – это один из новых для нас терминов, – и все, что нужно сделать животным, чтобы выбраться из них, так это перепрыгнуть через невысокую перегородку. Ученый снова начинает бить собак током и смотрит, что произойдет. Одна группа собак – те, что сумели добиться прекращения ударов током, – быстро соображает, как выбраться из ящиков, но собаки из второй группы просто лежат и скулят. Люк, похоже, вот-вот расплачется – заодно с ними.

О'кей. С меня довольно. Вожу пальцем по экрану телефона и читаю ленту.

За пять минут до звонка учительница включает свет, и я хватаю со стола Люка его работу, чтобы списать.

– Эй, я еще не закончил.

Игнорируя его протесты, корябаю ответы. На последний

вопрос ответа у него нет, и я спрашиваю:

– А как нужно ответить на двадцатый вопрос?

– А что это за вопрос?

– Почему собаки из второй группы просто не перепрыгнули через стену?

Люк показывает на одну из фраз в перечне ответов, вид у него при этом печальный.

Выученная беспомощность.

– Они усвоили, что ничего не могут сделать для того, чтобы спастись. – Я пишу, а Люк продолжает говорить: – Это просто душераздирающе, понимаешь? Подумай только о значении...

Звенит звонок, я сую ему листок с его работой и направляюсь к двери.

За моей спиной раздается саркастическое:

– Пожалуйста!

Подойдя к парковке, вижу Гаррета, прислонившегося к моей машине. Вид у него очень клевый, он похож на гангстера. Мы берем стаканы с кофе и какое-то время разъезжаем на автомобиле, просто чтобы убить время, а затем снова направляемся к школе за девушками.

Въезжая на почти пустую стоянку, получаю сообщение от Брии:

Еще 20 минут? А может, хотите помочь???

Вздвогнув от мысли, что для этого придется войти в спортивный зал, в котором полно жизнерадостных детишек, от-

вечаю:

Мы подождем, – а потом передаю содержание сообщения Гаррету.

– Уже пять часов, – жалуется он. – В это время в школе остаются одни лузеры.

– Это не так. Белла Свон все еще здесь.

Гаррет окидывает парковку взглядом снайпера, и я засекаю момент, когда он замечает грузовик Эвана Замары. Улыбаясь щербатым ртом, он спрашивает:

– И что нам с этим делать?

– Что делать с пикапом? – Я не в настроении придумывать что-нибудь остроумное по этому поводу, но Гаррет уже распахивает дверцу автомобиля и быстро выходит из него. Достает что-то из заднего кармана и двигает кистью. От лезвия отражается солнечный свет, и до меня доходит, что в руке у него нож.

Какое-то время я пребываю в таком шоке, что теряю дар речи, но Гаррет буравит меня взглядом.

– *Сайе*. Ты идешь или нет?

Семь

– Ну и денек выдался! – Выходя из класса, Бриа пытается весело покружиться, но теряет равновесие из-за цветочной розетки ³, которую я привез ей домой утром.

Эта самая розетка оказалась гораздо больше, чем я думал, когда заказывал ее, она закрывает всю грудь Брии и спускается ниже колен. Бриа накидывает ее на шею, подобно ожерелью, потому что приколоть ее к блузке нет никакой возможности.

Практически все девочки в школе тоже красуются в подобных розетках, дополненных немислимым количеством звякающих колокольчиков, так что создается впечатление, будто по коридорам шествует стадо коров. И некоторые учителя со страдальческим видом затыкают уши.

– Сайе... помоги, – просит Бриа.

– Да, конечно. – Я помогаю ей приподнять украшение весом в тонну, и Бриа выволакивает свои длинные волосы из-под шнура, а потом я снова опускаю шнур на шею, и мои ладони проходятся по ее коже.

– Мне нравятся твои руки! – говорит Бриа, глядя их кончиками пальцев. – Они такие мягкие и *гладкие*. Мне кажется, они даже мягче, чем мои руки!

³ Массивная цветочная праздничная гирлянда, которая надевается на шею.

И я искренне радуюсь, что Лекс не хихикает и не добавляет что-то вроде: «Это потому, что Сайе мальчик избалованный и не знает, что такое физический труд».

– Спасибо, – говорю я.

– Увидимся за обедом! – И с этими словами Бриа, чуть покачиваясь от тяжести розетки, вышагивает по коридору.

На уроке латыни мистер Райвас дает мне задание, но сегодня я не в настроении спрягать глаголы. Мой взгляд устремляется к открытой двери. По коридору идут наряженные в костюмы взволнованные ребята из театрального клуба, а также из школьного совета – в руках у них флайеры и скотч, и они готовы обклеить этими бумажками всю школу.

– Сайерс? – окликает меня мистер Райвас.

Поднимаю на него глаза:

– Да?

Он кладет на мой стол эссе, которое я сдал ему на прошлой неделе. Оно испещрено красными правками и разочарованными замечаниями.

– Ты способен на большее. – Он садится за соседнюю парту, совершенно неподходящую человеку его возраста. – Сайерс, ты даешь себе отчет в том, что многие в этой школе, в этом мире, ну, скажем, борются?

– Борются?

– Да. За самые разные вещи. Борются за то, чтобы выжить. Но ты... тебе дано столь многое. Тебе дарованы возможности, о каких большинство людей могут только мечтать.

– О'кей?..

– Я хочу донести до тебя следующее: наличие денег не подразумевает, что обладающий ими человек может бездействовать – он может делать *что угодно*.

Я вздрагиваю. Да что в последнее время происходит? Одна проповедь за другой.

– Мистер Райвас...

Но не успеваю я произнести еще хоть слово, как в класс, звеня колокольчиками, входит секретарша в цветочной розетке и протягивает ему записку.

Мистер Райвас читает ее и вздыхает:

– Тебя вызывают к директору.

Когда я вхожу в главное здание школы, девушка на ресепшене встречает меня дружелюбной улыбкой. Кивнув ей в ответ, иду дальше по коридору – к кабинету директора, и тут из него, зло сверкая глазами, вылетает Гаррет, комкающий в руке розовый листок бумаги.

– И ты здесь? – говорю я.

– В школу заявился отец этого мальчишки.

– Ты говоришь об Эване?

– Да, о нем. О ком же еще?

– Хм. Вот уж не думал, что он засек нас.

– Ну, директору он сказал, что так оно и было. И теперь Гардинер говорит, что мне запрещено участвовать в школьных мероприятиях в течение шести недель, а это значит, меня не будет на вечеринке.

– Прямо как в романе «Кэрри».

– Мистер Уэйт? – На пороге своего кабинета материализуется, подобно Дракуле, директор Гардинер. – Мне нужно поговорить с вами. – Он поворачивается к Гаррету: – А вы, молодой человек, возвращайтесь в класс.

Гаррет, прежде чем сорваться с места, бросает на него злобный взгляд. Я вхожу в кабинет и сажусь на диван, Гардинер со строгим выражением лица усаживается за свой стол. На стене за его спиной красуется огромных размеров флаг Техаса, словно хозяин кабинета – губернатор штата или еще какой начальник.

Стараюсь сдержать усмешку.

– Я сразу перейду к делу. Вы вчера намеренно изуродовали машину Эвана Замары?

– Нет. – Я откидываюсь на спинку дивана. – Я этого не делал.

– Интересно. – Гардинер опускает подбородок на сложенные руки. – А почему же он говорит, что сделали?

Скептически вздергиваю одну бровь, подражая отцу.

– Вы спрашиваете меня о том, что на уме у какого-то там ребенка, с которым я даже ни разу не разговаривал?

– Эван тоже сказал, что вы никогда с ним не общались. Он понятия не имеет, почему вы на него ополчились.

– *Ополчились?* Звучит немного драматично.

Гардинер ведет себя так, будто мы преступники или кто-то в этом роде.

– Ну, знаете ли, Эван Замара не годится в герои драмы. Но все это... очень беспокоит его, и он не способен справиться с происходящим.

Гардинер переигрывает. Эван не мог сказать ничего подобного.

– Не знаю, что вам ответить. Я практически не знаком с ним.

– Значит, вы не трогали его грузовик, не преследовали его в коридорах и не имеете никакого отношения к уничтожению его проекта?

– Я ничего не уничтожал.

– Ну да, только не вы. – Голос Гардинера начинает вдруг сочиться сарказмом. – Вы предпочитаете стоять в стороне и наблюдать за тем, как этим занимаются другие.

– И тебе ничего за это не было? – злится Гаррет, когда после окончания уроков я выезжаю с автостоянки. Не понимаю, почему он пребывает в таком шоке – ведь это не я накорябал на пикапе Эвана Замара огромными печатными буквами слово «*тюфяк*».

– Эй, да я же просто смотрел.

– Ага. Хорошо устроился.

– Ты придешь на мою вечеринку или как?

– А почему нет? Меня отстранили от танцев, а не от твоего дома.

Мы уже в десяти кварталах от школы, а он все еще кипит.

– Гаррет, ты же сам не хотел идти на этот дурацкий вечер.

– Дело не в этом, Сайе! Я уже пригласил Мариссу и взял напрокат чертов смокинг, и эта сука не сможет сделать так, что я никуда не пойду.

Мы доезжаем до кованых чугунных ворот, у которых уже ждут несколько автомобилей наших друзей. Говорю охранникам, что все они со мной, ворота открываются, караван машин тянется за мной к дому. Повсюду приткнулись автомобили, доставляющие различные товары, двери дома – нараспашку, и обслуживающий персонал выгружает еду, фуршетные столы и коробки с хрустальными бокалами.

Ребята входят в дом и идут по коридору, а я проверяю, все ли готово к вечеринке. Самая большая комната совершенно преобразилась – здесь множество украшенных стеклянными бусами светильников, черно-золотой пол стилизовали под ар-деко, мебель – стулья, роскошные складные кресла – также выполнены в этом стиле. Трое мужчин вешают на стену огромное зеркало. Другие рабочие устанавливают вдоль стены сцену, на которой будет играть небольшой оркестр.

– Мистер Уэйт? – Навстречу мне идет организатор мероприятий, мужчина в твидовом пиджаке. – Все готово в срок. Счет за угощение получился немного дороже, чем мы договаривались, но...

– Все нормально.

Он записывает что-то в свой блокнот.

– Хорошо, сэр. Я сделал заметку.

Когда минутой позже я обнаруживаю ребят в домашнем кинотеатре, Гаррет беспокойно мечется туда-сюда перед экраном, загораживая его и мешая другим смотреть фильм, который Люк выбрал потому, что в нем идет речь о кругах на фермерских полях, якобы сделанных инопланетянами.

– Он рассказал своему *pape*, – возмущается Гаррет. – Ну кто так поступает?

Ребята хихикают, соглашаясь с тем, что Эван жалок, но это, похоже, еще больше злит Гаррета.

– Я ему покажу, я серьезно это говорю. Он не знает, что его ждет, но я с ним обязательно поквитаюсь.

– Мне кажется, это он уже с тобой поквитался, – буркает Люк, рот которого набит «Читос».

Все замолкают, поскольку внимание Гаррета сосредоточивается на Люке, смахивающем крошки с майки с Оби-Ван Кеноби.

– Что такое? – Люк смущенно приподнимает брови. – А чего вы ожидали, раз издеваетесь над ним вот уже несколько недель?

Гаррет делает в сторону Люка пару шагов.

– А почему ты суешься не в свое дело?

– Ты говоришь это в присутствии многих людей! Это нельзя назвать разговором наедине.

Ладони Гаррета сжимаются в огромные кулаки, и я, сам того не ожидая, встаю перед ним, защищая таким образом Люка.

– Остынь, чувак. Если тебе очень уж хочется пойти на вечер, то иди. Там будет столько народа, что никто из учителей тебя не заметит.

Он медленно выпрямляет пальцы и слегка расслабляется.

– Ну да, может, ты и прав.

– Все будет хорошо, – заверяю его я. – Ну что плохого может произойти?

Восемь

Я танцую с Брией медленный танец, на голове у меня золотая корона.

– Я же говорила, ты станешь принцем. – Бриа поднимает голову с моего плеча и улыбается, на ней тоже корона – сверкающая рубинами. – Говорила же? – Она берет мой красный галстук, притягивает меня к себе и прижимается губами к моим губам – это больше, чем поцелуй в щеку, но меньше, чем поцелуи в лифте.

Мое сердце бьется сильнее.

Она отстраняется от меня:

– Это похоже на сказку, верно? Принц и принцесса танцуют на облаках.

Вот только вместо облаков здесь картонные декорации, и мы с ней в душном спортивном зале старшей школы, окруженные следящими за порядком хмурыми учителями.

Но она так счастлива, что я подыгрываю ей:

– Ага, *точно* так.

Ее улыбка становится еще шире, она говорит:

– Сейчас вернусь. – Они с Мариссой берутся за руки и исчезают в толпе, и я иду на другой конец зала, где тусуются мальчишки.

Брэкстон и Гаррет бездельничают, но, завидев меня, Брэкстон вопит:

– Сайе! А ты слышал, что сегодня к тебе явятся ребята и *из других школ*? Вместо того чтобы веселиться на *собственных* вечеринках.

Стараюсь спрятать гордую улыбку, проступающую на лице.

– Думаю, об этом уже везде судачат.

– Гардинер идет, – шипит кто-то из учеников, и все мы смотрим на направляющегося к нам директора.

Гаррет, не двигаясь с места, ждет, когда Гардинер подойдет к нему.

– Вас не должно быть здесь, – сурово говорит ему директор.

Несколько человек с любопытством смотрят в нашу сторону, а Гаррет словно вращается в пол, его глаза сверкают, подобно острым осколкам стекла. Он выше директора и, пользуясь этим, смотрит на пожилого человека сверху вниз.

– Пошли. – Гардинер обхватывает рукой бицепс Гаррета.

– Да пошел ты. – Гаррет вырывается из его хватки и идет прочь, но директор следует за ним, точно полицейский, и все в спортивном зале молча смотрят, как Гаррет выходит через двойную дверь в коридор.

Гаррет слоняется у лимузина, лицо у него потное и красное, словно бушующая в нем ярость начинает сказываться на сердечно-сосудистой системе.

– Да черт с ними, с этими танцульками, – примиряющее произносит Брэкстон. – Я уйду вместе с тобой.

– Легко тебе говорить, – презрительно усмехается Гаррет. – У тебя нет девушки.

– Я тоже готов уйти, – пытаюсь я разрядить обстановку. – И возьму с собой Брию и Мариссу.

Вернувшись в переполненный спортивный зал, вижу Брию на танцплощадке.

– Пошли отсюда, – говорю я.

– Что? – Бриа в шоке открывает рот. – Почему?

– Гаррета выставили вон.

– Но это не означает, что должны уйти *мы*.

– До конца вечеринки всего час. Никто не остается до конца.

– Остаются, если они принц и принцесса!

– И что прикажешь сказать Гаррету? Что меня не отпускает моя девушка?

– Ты не обязан ничего говорить ему! – Бриа смотрит на меня прищуренными глазами. – Если Гаррету дали пинка под зад, то это его проблемы.

К нам танцующей походкой подходит Марисса, но, почувствовав напряженность между мной и Брией, останавливается и спрашивает:

– Что случилось?

– Мистер Гардинер выгнал Гаррета, – объясняю я.

– И мальчики хотят, чтобы мы тоже свалили, – добавляет Бриа, скрестив обнаженные руки на груди.

– Вы это серьезно? – Марисса расстраивается не меньше

Брии. – Мы же готовились к этому вечеру много месяцев! Ну не можем мы уйти, и все тут.

– То есть ни одна из вас не уйдет? – О боже, Гаррет страшно разозлится.

– Я точно останусь, – говорит мне Марисса.

– Я тоже, – вторит ей Бриа.

– О'кей, клево. Оставайтесь, если хотите, но я ухожу. – Я жду, что Бриа уступит мне, но она поджимает губы, разворачивается и растворяется в толпе танцующих.

Говорю шоферу, чтобы он ехал куда глаза глядят. Нас в лимузине десять человек, и, в отсутствие девушек, здесь достаточно места, чтобы растянуться на сиденьях. Ребята передают друг другу серебряное ведерко с пивом и чокаются бутылками. Мы снимаем куртки, ослабляем галстуки. Я пристраиваю корону на сиденье рядом с собой.

На светофоре Брэкстон высовывается из машины – крыша у нее открыта, – и кричит какой-то идущей по тротуару даме:

– Классная задница!

Она показывает ему средний палец, и все смеются.

Лимузин мчится дальше.

Парни продолжают пить, и скоро все расслабляются. Все, кроме Гаррета, смотрящего в никуда, подобно подросткового возраста горгулье.

– Расслабься, – говорю я ему. – Танцы скоро закончатся. Главное событие сегодняшнего вечера – моя вечеринка.

Но Гаррет продолжает беситься, и я не могу винить его в

этом. Его только что унизили на глазах у всех.

– А Марисса все-таки осталась... – Он в ярости трясет головой. – Вот *сука*.

А затем снова невидяще смотрит в окно.

Некоторые из парней начинают фотографироваться, а потом вступают в пьяную перебранку. Внезапно все это начинает страшно раздражать меня. Мне не хочется провести следующий час в лимузине, набитом придурками. Плюс к этому Бриа злится на меня и, наверное, весь вечер будет пребывать в плохом настроении. И мне становится *скучно*.

Толкаю локтем Тэннера. У него всегда имеется целый арсенал чего-то тонизирующего.

Он поворачивается ко мне, волосы падают на его далеко не трезвые глаза.

– У тебя есть что-нибудь? – спрашиваю я.

Он лезет в карман и достает маленький пакетик.

– Что это?

– Таблетки. Помогут оттянуться... – Тэннер определенно выглядит расслабленным, но это не то, что мне нужно..

– И ничего более... духоподъемного?

Он пожимает плечами:

– Это все, что я смог достать.

Я вздыхаю:

– Проехали.

Мы делаем круги по городу, и мое беспокойство растет, но потом лимузин останавливается на красный свет, и Гаррет

выпрямляется, глаза у него загораются.

– Что такое? – интересуюсь я, и он кивком указывает на окно. На другой стороне улицы, прислонившись спиной к стене кинотеатра «Риалто», стоит Эван Замара, и на его лице играет безмятежная улыбка.

Гаррет поджимает губы:

– Кажется, жизнь налаживается.

Выхожу из лимузина, и головы прохожих поворачиваются ко мне. Я не знаю, что должно произойти – не знаю даже, чего *хочу*, – но большими шагами направляюсь к Эвану, рядом с которым стоит девушка. Может, его сестра?

Да нет, судя по тому, как он смотрит на нее. Плюс к этому, на нем белая рубашка и брюки хаки, а на ней клетчатая юбка и высокие носки. То есть одеты они для *свидания*. Она на целых три дюйма выше Эвана, и ему приходится запрокидывать голову, чтобы одарить ее застенчивой улыбкой, но тут он замечает меня, и на его лице проступает паника.

Заставляю себя идти как можно медленнее, но все равно скоро оказываюсь нос к носу с ним.

– Здравствуй... – Делаю вид, что вспоминаю, как его зову. – Ты ведь Эван, верно?

Он опасливо кивает.

– Можно тебя на пару слов?

Все его тело напрягается. Ясно как божий день, что он не хочет говорить со мной, но все же бормочет девушке:

– Я сейчас. – А затем идет за мной вдоль стены.

– Послушай, Эван, – говорю я. – Я просто хочу извиниться перед тобой.

Его большие карие глаза распахиваются от удивления, он слегка склоняет голову набок.

– Честно, мы не хотели тебя обидеть.

– О... – Он выглядит ошарашенным. – Да ладно, все о'кей. Правда.

Видно, что он говорит это *искренне*. И мне тут же отпускаются все мои грехи.

Я нервничаю, но стряхиваю с себя это состояние.

– Позволь мне загладить вину. – Я подхожу к его девушке. – Я только что поговорил с Эваном, и если вы уже были в кино, то я буду счастлив подвезти вас домой на лимузине.

– О боже! – Она захлебывается от избытка чувств. – Правда?

Эван явно сомневается, но потом робко улыбается мне.

– О'кей. Спасибо... Сайе.

– Не за что.

Мы идем к лимузину. Окна у него тонированные, но я знаю, что Гаррет все это видит, и тайком показываю ему поднятые вверх большие пальцы.

– После вас, – говорю я им, открывая дверцу.

И они вот так просто забираются внутрь.

Эван с девушкой опускаются на сиденье в задней части салона. Парням приходится потесниться, чтобы освободить им место. Эван оглядывает лимузин, и его глаза становятся

огромными, как планеты, когда его взгляд замечает Гаррета, у которого прекрасно получается выглядеть невозмутимым.

Гаррет поднимает бутылку с пивом, словно предлагает заключить мир.

– Без обид?

Ребенок опять вопросительно наклоняет голову, но потом его лицо разглаживается.

– Конечно.

Ему дают бутылку с пивом, и он берет ее, Гаррет чокается с ним своей бутылкой.

Мальчишка расслабляется еще больше и пододвигается ближе к своей девушке, которая изучает кнопки на панели.

– Я никогда еще не ездила на лимузине! – объявляет она.

– Шутишь? – говорит один из парней, и другие смеются. Но она продолжает улыбаться, будто не понимает, что над ней потешаются.

– Как тебя зовут? – спрашивает Гаррет.

Она тычет пальцем себе в грудь:

– Меня?

– Да, тебя. Кажется, мы раньше не встречались.

Гаррет пристально смотрит на нее, не то чтобы дружелюбно, но с таким выражением лица, какое появляется у него, когда он пытается произвести хорошее впечатление.

– О. Это потому, что я хожу в школу «Лоун стар». Я Ребекка.

– Красивое имя, – немного невнятно произносит Тэннер.

– Да, это так, – соглашается Гаррет.

Один из парней открывает крышу. Ветер начинает трепать длинные волосы Ребекки, она кладет щеку на плечо Эвана и улыбается ясной улыбкой. Мальчики шумят и дурачатся до тех пор, пока кто-то не закрывает крышу, словно запечатывает машину, и все внезапно замолкают.

Брэкстон откашливается и кокетливо улыбается Ребекке.

– Тебе и вправду нравится Эван?

– Дело в том, что девушка вроде тебя может заполучить любого парня, – добавляет Гаррет, наблюдая при этом за Эваном, и ему явно нравится нервное выражение, появившееся на лице последнего.

– Э... – Ребекка ненадолго, будто в смущении, замолкает. – Конечно, мне нравится Эван.

– Учишься в «Лоун стар»? – продолжает Гаррет. – А как вы познакомились?

– Мы дружили в средней школе, но я переехала...

– Но вы продолжали общаться.

Она кивает, вид у нее по-прежнему неуверенный.

– Мило. А у вас уже был секс?

Ребекка и Эван смущенно поеживаются, а все остальные в лимузине разражаются смехом.

– Э... – мямлит Ребекка, а Эван отвечает:

– Это наше первое свидание.

– О, Эван, – говорит Гаррет, голос у него сладкий, глаза потемневшие. – Первое свидание – это круто. – И он кладет

руку на колено Ребекки.

Она замирает и не сводит глаз с руки Гаррета. На ней высокие носки и юбка ниже колен, так что обнаженными остаются лишь пара дюймов кожи, там-то теперь и покоится рука Гаррета.

Я чувствую, как все во мне напрягается – дело принимает неожиданный оборот.

Гаррет пристально, с очень странным выражением, смотрит в глаза Ребекки. Создается впечатление, будто он забыл о том, что нужно поиздеваться над Эваном, и целиком сосредоточился на ней, девушку будто пригвоздило к месту его взглядом.

– В-вообще-то, – заикается она, – нам пора домой. Я сказала маме...

– Расслабься. – Заклинание словно потеряло свою силу, Гаррет отпускает ее колено и откидывается на сиденье. Он ослабляет узел своего красного галстука и расстегивает верхнюю золотую пуговицу на белой рубашке. – Мы просто развлекаемся.

– Можно остановить машину? – подает голос Эван.

Но обращается он не к нам.

Его указательный палец жмет на кнопку интеркома, и не успевает никто возразить ему, как водитель тормозит у обочины тротуара.

Гаррет смеется.

– Да остынь ты. Ты же не хочешь, чтобы твоя девушка

пешиком топала до самого дома? – Он в свою очередь приводит в действие интерком:

– Не обращайтесь внимания. Едем в... – Он одаряет Ребекку широкой улыбкой. – Водителю нужно знать, где ты живешь.

Какую-то секунду она молчит, а потом слабым голосом произносит:

– Сикамор, 1398.

И лимузин едет дальше.

– Вы, ребята, очень уж скованные. – Тэннер снова вытаскивает из кармана пакетик с таблетками. – Хотите по одной?

Эван и Ребекка мотают головой, но видно, что им становится немного неловко – они думают, что могли понять все неправильно.

Несколько минут царит напряженное молчание, а потом лимузин останавливается.

– Вот здесь я живу. – Ребекка показывает на стоящий в тупике дом и быстро прощается со своим парнем: – Спокойной ночи, Эван.

– Спокойной ночи, – отвечает он, выглядя при этом сконфуженным и одновременно успокоившимся. Но как только она выходит из машины, он смотрит в затемненное окно и вскакивает на ноги. – Пожалуй, я тоже здесь выйду.

– Ты это *серьезно*? – спрашивает Гаррет самым что ни на есть уничижительным тоном. – А мы собирались пригласить тебя на вечеринку Сайе. Но как хочешь. – Гаррет машет рукой, словно Эван – комар у него перед носом. – Только сна-

чала Брэкстон должен выяснить, во что обошлись нам *незапланированные* остановки.

– Верно, – соглашается Брэкстон и быстро выходит из лимузина. – Подожди секундочку.

– Прошу прощения. – Эван смотрит в пол. – Я не знал, что нужно будет доплатить за то, чтобы нас отвезли домой. – Он извиняется так искренне, что я испытываю искушение сказать ему, что Гаррет – то еще трепло, но вдруг лимузин резко срывается с места, дверца захлопывается и Эван тяжело падает на сиденье.

Разделительная перегородка медленно опускается, и Брэкстон – теперь на нем шоферская кепка – улыбаясь, поворачивается к нам.

– До конца вечера вашим водителем буду я.

Все смеются, а на лице Эвана появляется странное выражение. Похоже, он понимает две вещи сразу: ему не следовало садиться в этот лимузин, но уже слишком поздно исправлять ситуацию.

Девять

– С-спасибо. – Голос Эвана становится высоким и испуганным. – Спасибо за приглашение, но мне нужно домой.

Я жду, что Гаррет рассмеется и скажет «Шутка!». Но он делает большой глоток пива и снова неподвижно смотрит на Эвана. В лимузине повисает неприятное напряжение – хотя, может, напрягаюсь один я. Другие парни выглядят спокойными, продолжают пить пиво, некоторые из них ухмыляются. На нас на всех белые рубашки и красные галстуки. Может, мальчикам известно что-то, что не известно мне, может, пока меня не было в лимузине, они разработали некий план действий.

– Вы слышали, что я сказал? – Голос Эвана надламывается, и это вызывает новый раскат смеха.

– Да ладно тебе, Эван, – насмешливо говорит Гаррет. – Мы лишь пытаемся подружиться с тобой. – Он делает еще один большой глоток. – Ты ведь хочешь стать нашим другом, верно?

Мальчик молчит, его грудь вздымается, взгляд мечется от окна к окну.

– Эван, – мурлычет Гаррет, – отвечай, когда тебя спрашивают.

Эван сглатывает и одними губами произносит *да*.

Но со второй попытки ему удастся выдавить из себя:

– Да. Я... хочу быть вашим другом.

Кто-то открывает дверцу в черную ночь и в черное поле.

– Все выходят, – приказывает Гаррет.

Парни, спотыкаясь, выбираются наружу, на траву – все они в разной степени пьяны, но Эван не двигается с места. Его голова по-прежнему опущена, длинные кудри падают на лицо. Мне видно, как резко поднимается и опускается его грудь, а сердце бьется с такой силой, что, кажется, его можно разглядеть под одеждой.

– Эван. – Гаррет стискивает зубы. – Я сказал, *выходи*.

Эван медленно поднимает взгляд... и становится видно, что на глазах у него блестят слезы.

Мой желудок резко сжимается. Я вовсе не хотел расстраивать Эвана *до такой степени*.

Поворачиваюсь к Гаррету. Похоже, он считает, Эван должен сполна расплатиться за содеянное – что бы это ни было. Блестящие глаза Гаррета, равно как и резкая линия рта, выражают холодную злобу, и создается впечатление, будто он готов немедленно *вытащить* Эвана из лимузина.

Но тут Эван поднимается с места и выходит из него сам, Гаррет следует за ним.

Я, чувствуя себя не в своей тарелке, слежу на ними взглядом.

И тут я понимаю, где мы находимся. Это амфитеатр.

Городские власти используют его для летних концертов, но принадлежит он отцу Брэкстона. Лимузин едет по тра-

ве и тыкается в каменную сцену напротив полукруга ступеней, поросших травой. Все это напоминает большой театр или цирк, который вот уже век-два как заброшен.

Вокруг тихо, не то что в городе, и небо здесь пугающе бесконечно.

Брэкстон подходит к двери с замком и отпирает его, набрав код.

– Да будет свет.

Оборудование оживает и бросает лучи на сцену, где большинство парней стоят неровным кругом вокруг Эвана. Глаза у него огромные, в них плещется страх.

За моей спиной Тэннер начинается вскачь подниматься по каменным ступеням. Совершенно выдохшийся, он роняет бутылку, и все вокруг оказывается усыпанным осколками. Не менее пьяный парень интересуется:

– Шо тут пс-ходит? Я дмал, мы едем на вечченку.

Господи, да что же мы *вытворяем*? Это же просто идиотизм. Эван страшно напуган, и во всем этом нет больше ничего смешного. Мне хочется вернуться к цивилизации вместо того, чтобы торчать с несколькими придурками в этой глухомани. Я собираюсь высказаться по этому поводу, и тут в кармане у меня звонит телефон.

Это Бриа, и как только я отзываюсь, она, перекрикивая какофонию звуков, издаваемых гостями, сообщает мне:

– Все уже здесь!

Или же мне кажется, что она кричит именно это. Труд-

но разобрать слова, звучащие на фоне рейва с ее стороны и воплей пьяных парней – с моей, я отхожу в сторонку и прижимаю телефон к уху как раз в тот момент, когда она произносит:

– Ты уже пропустил один танец – и не говори, что пропустишь еще и следующий!

– Думаешь, я хочу этого? – шиплю я в телефон. – Эта вечеринка – моя идея.

– Тогда где ты и что там делаешь?

– Все спятили. И мы оказались посреди гребаного ничто.

– Пожалуйста, приезжай.

– Приеду, – обещаю я, но не думаю, что Бриа мне верит, потому что она отключается, даже не попрощавшись.

Я злюсь, но беру себя в руки и иду обратно к парням.

Они какие-то странно притихшие, почти подавленные, и тут я замечаю...

– Эй, а где Эван и Гаррет?

Все они ерзают, молчат, и вид у них виноватый. Они смотрят в землю, я повторяю свой вопрос, и тогда один из них говорит:

– Гаррет увел Эвана.

– Увел? – переспрашиваю я. – Куда?

И как в плохой комедии, все они указывают в разных направлениях.

Окидываю взглядом поле, а затем поворачиваюсь лицом к стене деревьев за сценой. Знаю, что там лес, но сейчас так

темно, что вижу я лишь одну черноту.

Проходит семнадцать минут. Я знаю это, потому что все время смотрю на экран телефона. Бриа выкладывает в инстаграм фотографии с вечеринки – оркестр, фейерверк, *слон*, – стараясь показать мне, как весело проводит время в мое отсутствие.

Подняв голову, я снова сканирую поле и лес. *Твою мать*. Да что здесь происходит? Гаррет избивает Эвана? Заставляет его собственными руками рыть себе могилу? Вариантов тут множество, и меня начинает тошнить. Но, конечно же, Гаррет не сделает Эвану больно. Он просто пугает его.

Другие парни вокруг меня потихоньку трезвеют, а Брэкстон радостно суетится и тычет во всех камерой своего телефона, словно новостной репортер.

– Как вы считаете, Тэннер, мы еще услышим о Эване За-маре?

Тэннеру явно нехорошо, он изо всех сил отталкивает телефон от своего лица.

– Перестань меня снимать. Я вообще не имею никакого отношения к Эвану.

Снова смотрю на телефон. Девятнадцать минут.

– Черт! – кричит Брэкстон. – Я только что получил сообщение от брата. Кто-то видел свет.

– И что? – спрашивает один из парней.

– Да то, что папаша сказал, чтобы я не смел приезжать сюда после того, как мы насвинячили здесь в прошлый раз.

Он велел прислать копов! – Брэкстон смотрит на деревья. – Гаррет!

Но темнота остается совершенно неподвижной.

– Гаррет! – снова кричит Брэкстон. – Давай сюда – полиция едет!

Скоро все парни вопят в один с ним голос, зовя Гаррета, но безрезультатно.

А потом из леса выходит высокая фигура в сиянии накрахмаленной белой рубашки и золотых пуговиц.

Но я не вижу Эвана.

Жмурясь, вглядываюсь в темноту и жду, жду.

А затем наконец из нее появляется невысокая фигура.

Когда они подходят к нам, я могу разглядеть их лица.

Гаррет спокоен и собран. Эван выглядит потрясенным.

Он *потрясен*, но не побит. Я не могу расслабиться, внутри у меня все сжимается.

Брэкстон бежит к водительскому месту и заводит двигатель, остальные забираются внутрь.

Эван опускается на заднее сиденье, точно там, где они сидели с Ребеккой, вот только сейчас он сидит один.

Десять

Когда в понедельник утром звенит будильник, я выключаю его со стоном. Выходные обернулись для меня прямо-таки катастрофой. К тому времени, как мы в пятницу вечером добрались до моего дома, все, кроме Брии, Люка и Лекс, уже ушли. Бриа проинформировала меня о том, что новый охранник прекратил вечеринку, и я сказал, что ей следовало бы сообщить ему, что я уже еду. Лекс, разумеется, вмешалась и заявила, что я не имею никакого права упрекать в чем-то Брию, поскольку сам во всем виноват и меня там не было. А потом они уехали.

Войдя в свою комнату, я увидел на подушке профессионально выполненную фотографию нас с Брией на школьной вечеринке. Я бросил ее на стол, после чего попытался заснуть – обычно это получается у меня легко, – но на этот раз я ворочался всю ночь. Остаток уик-энда я провел в своей комнате.

Будильник снова звенит. Даже если я встану прямо сейчас, то все равно опоздаю.

Может, сегодня мне следует прогулять школу. Такая перспектива кажется очень заманчивой...

Но я заставляю себя подняться с постели.

Идя от машины к школе, я замечаю, что коридоры уже пусты, и это хорошо, но затем буквально из ниоткуда выска-

кивает одетый в комбинезон рыжеволосый и птицеобразный друг Эвана и набрасывается на меня.

– Что вы наделали? – вопит он.

Пожимаю плечами, словно понятия не имею, о чем это он, и продолжаю свой путь, но вместо того, чтобы отстать от меня, он сворачивает со мной за угол, а затем, не учитывая, что нас может видеть кто-то из учителей или учеников, он меня *толкает*.

Я, страшно шокированный, спотыкаюсь. Какой-то пробегающий мимо нас парень останавливается и открывает от удивления рот. То же самое делает и появившаяся в дверях учительница.

– Что вы сделали с Эваном? – снова кричит Птица, на этот раз прямо мне в лицо.

Звенит звонок на урок, и учительница выходит в коридор.

– Мальчики, идите к себе в классы.

– Именно это я и пытаюсь сделать, – говорю я ей, беспомощно показывая на ребенка с безумными глазами. Ученики в ее классе, сидя за партами, вытягивают шеи, чтобы увидеть, что происходит в коридоре, и все это принимает дурной оборот.

– Послушай, – говорю я. – Как там тебя зовут?

– Блэр, – рычит он.

– Хорошо, Блэр, должен сказать, что понятия не имею, о чем ты говоришь. Если у тебя имеются какие-то проблемы, то решай их со своим другом.

Теперь он выглядит так, будто вот-вот расплатится.

– Я не могу обратиться к нему, потому что его здесь нет.

Он не вернулся.

Какого черта он говорит, что Эван не вернулся? С чувством неловкости вспоминаю выражение лица Эвана, вышедшего из леса, но притворяюсь, что мне это до лампочки.

– Это не моя проблема.

Учительница прочищает горло.

– Поговорите о ваших делах позже, мальчики.

Друг Эвана продолжает смотреть на меня невероятно печальными глазами, а потом его лицо искажает ярость.

– Ты и есть проблема! И перед Богом клянусь, ты запла-
тишь за это!

К тому времени, как я вышел из кабинета директора школы, прошло уже больше половины первого урока. Меня допрашивали в течение почти часа, и кто знает, что Блэр скажет, когда позовут его. Ну кто, скажите на милость, *кричит* так на кого-то? *Я заплачу за это?* Такое впечатление, будто он проклял меня.

Гаррет – идиот: это была его идея поиздеваться над Эваном. Но слетевший с катушек мальчик Птица преследует меня, а не его. Это невероятно. И кроме того, дебил Брэкстон снимал все на телефон. У него хватит мозгов, чтобы показать это видео кому ни попадя или спьяну выложить в интернет.

Достаю свой телефон. У меня не меньше двадцати новых сообщений.

Бриа:

Боже, ты в порядке??? Я слышала, на тебя напали!!!

Люк:

У тебя все хорошо? Напиши мне.

И опять Люк:

Меня не будет на втором уроке. Еду на экскурсию.

Визит в артгалерею – событие в данный момент очень заманчивое. Это куда лучше, чем весь день отвечать на неудобные вопросы.

Я останавливаюсь как вкопанный, а потом иду в противоположную сторону.

Еду вслед за школьным автобусом вот уже почти час – по обе стороны дороги сплошные зеленые поля. Мне бы хотелось забить адрес того места, куда мы направляемся, в навигатор, но езда за школьным автобусом – вроде как компенсация за то, что я не трясусь в нем вместе со всеми. Было нетрудно убедить мистера Райваса подсоединить меня к группе учеников, занимающихся рисованием и изучающих историю искусства, но никто не сказал мне, что поедем мы к черту на кулички.

Вид из окна не то чтобы привлекательный, но я начинаю постепенно расслабляться. Блэр может сколько угодно качать права, но он не знает, что произошло. Да, в действительности, ничего особенного и не случилось. Я уверен, что к тому времени, как я завтра приду в школу, все уже рассо-

сется.

Проходит еще час, я начинаю гадать, а не разыграли ли меня. Дорога становится все уже и ухабистее, и я начинаю всерьез подумывать о том, чтобы повернуть назад, но тут автобус вписывается в извилистую грязную дорогу и останавливается у огромных деревянных ворот, похожих на те, что ведут в Парк юрского периода.

Выхожу на почти пустую автостоянку и разминаю ноги. Сегодня теплее, чем в предыдущие дни, поэтому я оставляю коричневую кожаную куртку в машине, а потом включаю сигнализацию. Дверь автобуса открывается, и из него вываливаются изучающие искусство школьники. Нахожу в толпе Люка. Он держит за руку Лекс и кажется сонным, но его губы растягиваются в широкой улыбке.

– Привет! – бросается он ко мне, таща за собой бедную девушку. – Что ты здесь делаешь? Ты же не рисуешь.

Я отмахиваюсь от него.

– У меня латынь. Это взаимосвязано.

– Ты ехал на автомобиле?

– А как иначе?

– Почему ты ничего мне не сказал? Автобус – такая гадость!

– Догадываюсь.

– Обратно еду с тобой.

– Вот и хорошо.

– Лекс тоже.

Смотрю на Лекс, которая, похоже, не так рада видеть меня, как Люк.

– Мы слышали, к тебе сегодня утром пристали, – говорит она.

– *Пристали?*

– Есть слово точнее?

Люк внимательно изучает меня глазами разволновавшегося щенка.

– Да что случилось?

– Ничего, – отвечаю я немного грубее, чем намеревался. – Просто небольшое недопонимание.

Люк явно не верит мне, но учитель рисования кричит:

– Эй! Давайте сюда!

Мы проходим в ворота. Люк обнимает Лекс за плечи и улыбается ей так, словно у них медовый месяц.

– Ты только посмотри на эти деревья. До чего же здесь красиво!

Я не стал бы так отзываться об этом месте. Вспоминаю, что когда был маленьким, то ездил с родителями в небольшую общину, которая давала представление о жизни первых поселенцев, а сейчас передо мной ее плохонькая средневековая версия.

– Я видел объявление, – говорит Люк. – Через пару недель здесь будет парк развлечений с привидениями.

– Правда? – оживляюсь я. – Звучит прикольно.

Лекс округляет глаза, а Люк доводит до ее сведения:

– Сайе не иронизирует. Он и в самом деле любит дома с привидениями.

Идем по тропинке мимо двух парней, одетых в пластиковые доспехи. Мы, по идее, находимся в городе привидений, только вот в нем нет ничего сверхъестественного, или зловещего, или хоть сколько-нибудь интересного. Я начинаю думать, что, пожалуй, лучше было бы остаться в школе. Мимо проходят девушки с ведрами молока, и Люку взбредает в голову посмотреть, как одна пожилая женщина взбивает масло.

– Я здесь подожду, – говорю я и прислоняюсь к деревянному ограждению.

Люк и Лекс уходят, а я достаю телефон. Пытаюсь поймать сигнал и тут слышу за спиной какое-то фырканье. Медленно поворачиваюсь и вижу перед собой морду коровы. Она кажется разъяренной и бьет копытами, стоя в большой луже. Я отшатываюсь от нее, но недостаточно быстро, и вся моя рубашка оказывается забрызгана зловонной грязью.

Я с мрачным видом, ругаясь, иду по тропинке.

– Ты куда? – окликает меня Люк. Останавливаюсь, чтобы они с Лекс могли догнать меня, его зеленые глаза распахиваются от изумления.

– Что случилось?

– Корова.

Лекс хихикает, а Люк лезет в свой рюкзак.

– Не волнуйся, друг! Я тебе помогу. – Он роется в рюкзаке.

ке, а потом триумфально воздевает к небу руку со скомканной майкой в ней.

– Смотри!

Я расправляю ее – Люк Скайуокер смотрит на закат двойного солнца. Я, вздыхая, стягиваю с себя испорченную рубашку и швыряю в ближайшую урну, а затем надеваю майку Люка. Он гордо улыбается, словно я надел ее по собственному желанию, и мы идем дальше.

Мне скучно до чертиков, но тут мой взгляд приковывает к себе L-образное здание с предупреждающим объявлением на двери: *«Экспозиция не предназначена для маленьких детей и особо чувствительных людей»*.

– Прости, Люк. – Я хлопаю его по спине. – Тебе, как я понимаю, сюда лучше не соваться.

Он слегка хмурится, потом браво распрямляет плечи и входит внутрь.

Мы с Лекс идем за ним по скудно освещенному помещению, стены которого увешаны средневековым оружием: мечи, щиты и остроконечный стальной шлем, весящий, как гласит табличка под ним, шестьдесят фунтов.

Шагаем дальше по узкому коридору, где полно всяческих металлических штукун – с их помощью протыкали тела, рвали их на части, отсекали и удаляли части тела и внутренние органы. Просто удивительно, до чего же изобретательны оказываются люди, когда дело доходит до придумывания новых способов причинять друг другу боль.

Мы молча покидаем Музей пыток и идем дальше.

Краем глаза вижу, как Лекс и Люк качают сцепленными руками взад-вперед. Пару минут спустя Люк останавливается и срывает для нее цветок.

Определенно, мне следовало остаться в школе.

Остаток дня мы слушаем скучнейшие лекции по средневековому искусству, что плохо, поскольку они совершенно не занимают меня, и мой мозг обдумывает на свободе то, что случилось сегодня утром. Мне нужно поскорее оказаться дома и расслабиться, подготовиться к завтрашнему дню в школе, и потому, как только учитель отпускает нас, я практически бегу к стоянке.

Лекс и Люк, напротив, радуются всему и вся, и когда наконец доходят до моей машины, то сначала никак не могут решить, кто сядет впереди, а потом оба смотрят на заднее сиденье.

– О нет, – говорю я, настраивая навигатор. – Я вам не таксист.

– Ну ладно, Лекс. – Люк отвечает ей галантный поклон. – Ты можешь сесть впереди.

И она усаживается рядом со мной, а Люк пристраивается сзади, и я немедленно срываюсь с места, в то время как другие ученики все еще загружаются в автобус.

Люк и Лекс болтают о том, как замечательно провели день, а потом он вдруг замолкает и показывает на ветхую хижину, на которой корявыми красными буквами написано

«НАЖИВКА». Навигатор велит мне повернуть направо, и на перекрестке мы видим группу мужчин, женщин и детей, размахивающих написанными от руки картонными транспарантами, сообщающими о том, что скоро грядет конец света, и призывающими покаяться.

– Похоже на фильм ужасов, верно? – Люка передергивает.

– Да уж. – Лекс тоже явно не по себе.

Послушно следуя указаниям навигатора, и скоро мы выезжаем на дорогу пошире. Автобус нас пока еще не догнал. Смотрю на спидометр – я ехал со скоростью восемьдесят миль в час и даже не понимал этого. Когда вокруг нет других машин или каких-то зданий, то трудно сообразить, с какой скоростью едешь. К счастью, Лекс ничего этого не замечает, поскольку сосредоточена на том, чтобы вытянуть руку назад, дабы она и Люк не прожили целых два часа, не прикасаясь друг к другу.

Спустя какое-то время Люк и Лекс задремывают, и меня тоже клонит в сон, поскольку я устаю лицезреть пространство, в котором нет ничего, кроме донельзя унылого пейзажа. Жду, когда за окном появится «Старбакс», и тут навигатор начинает гонять меня из стороны в сторону.

– Какого черта? – У Лекс теперь сна ни в одном глазу, я слежу за ее взглядом, смотрю в окно и вижу лачугу с надписью «НАЖИВКА», выведенной корявыми красными буквами.

Люк трет глаза, садится прямо и тревожно спрашивает:

– Как считаешь, это другой магазин?

– Вряд ли, – мрачно отвечаю я.

Мы все пристально смотрим на навигатор, который велит мне повернуть направо, и мы проезжаем мимо той же самой митингующей толпы, что и раньше.

– Не надо было спать в автобусе. – Люк прижимает обеспокоенное лицо к оконному стеклу.

– А ты что-нибудь помнишь? – спрашивает меня Лекс. – Ты ведь проезжал здесь. Тебе знакомы эти места?

– Сайе всегда плохо ориентируется, – говорит ей Люк.

– Это неправда. Я просто ни на что, кроме автобуса, не смотрел.

Навигатор продолжает отдавать приказы. Направо, направо, налево, опять направо, – и мы снова оказываемся перед тем же магазинчиком.

– Странно все это, – ноет Люк. – Какой-то чертов Бермудский треугольник.

– Расслабься, – говорю я ему. – Мы всего в двух часах от дома, а не в открытом море.

Снова ввожу свой адрес в навигатор, и механический голос провозглашает:

«Марирут неизвестен, введите новый, пожалуйста».

Внезапно Люк и Лекс разражаются смехом.

– Ну и что тут смешного? – недоумеваю я.

«Марирут перестраивается. Марирут перестраивается».

Они смеются еще того пуще.

– Ребята, уже довольно поздно.

– Знаю, – хихикает Люк, будто это некое восхитительное приключение, а не колоссальная потеря времени. Он что-то кудахчет в свой телефон, затем наклоняется вперед и стучит пальцем по экрану навигатора на приборной панели.

– Сайе, твой навигатор сломался.

Я обижаюсь и ошестиниваюсь.

– Просто мы находимся посреди нигде и этих дорог нет на карте. А мой навигатор *в порядке*.

– Сломался-сломался. Посмотри. – Люк увеличивает карту. – Он ведет себя так, будто мы еще в парке. Наверное, переохладился или еще что.

– Не может этого быть.

– Возможно, все дело в антенне, – как ни в чем не бывало говорит Лекс. – Я только что открыла навигатор на своем телефоне. Когда мы окажемся на шоссе, все станет просто.

Я продолжаю вести машину и поворачиваю, когда Лекс велит мне повернуть, на это уходит целый час, но в конце концов она произносит:

– Ну вот.

Поворачиваю направо, и мы оказываемся пусть не на шоссе, но на широкой двухполосной дороге, которая куда оживленнее, чем те грунтовые дороги, по которым мы только что петляли. Деревья уступают место унылому зеленому пейзажу, которым я «любовался» по дороге туда, и наконец-то ме-

ста вокруг кажутся мне знакомыми.

– Как далеко мы от города? – спрашиваю я.

– Осталось пятьдесят миль, – говорит Лекс, и я сильнее жму на педаль, но вдруг Люк кричит прямо мне в ухо:

– СТОЙ!

Ударяю по тормозам.

– Я вижу кафешку, где можно перекусить.

– Ты что, издеваешься? Я думал, у тебя сердечный приступ или что-то похожее.

– Я хочу есть.

– Люк, нам остался всего час до дома. Давай поедем дальше.

– Но дом еще так далеко! Пожалуйста, Сайе, я умираю от голода. – Он смотрит на меня своими огромными умоляющими глазами, и я сдаюсь.

– Ну ладно. – Заезжаю на гравийную автостоянку, и Люк прямо-таки сияет от радости. – Ты действительно хочешь поесть здесь? У этого места даже названия нет. Написано просто «Ресторан».

Но он уже выпрыгивает из машины и входит внутрь забегаловки.

Открываю покосившуюся дверь и кашляю, задыхаясь от запаха кулинарного жира. Эта небольшая, полная посетителей столовая отсылает к тем простым временам, когда занавески в подобных заведениях были в клетку, столики – разномастными, а дощатые полы – основательно истертыми. Да-

же седовласая женщина, усадившая нас за шатающийся столик и поставившая перед нами хлебницу с булочками, кажется, перенеслась сюда из какой-то другой эры.

Лекс и Люк, намазывая масло на хлеб, сердечно улыбаются друг другу. Лекс замечает мое брезгливое выражение лица и поджимает губы.

– Прости, Люк. Видимо, Сайе слишком хорош для этого места.

Она совершенно не понимает причин моего недовольства, но я подыгрываю ей.

– Мы все слишком хороши для этого места. Но, похоже, оно пользуется популярностью у местных жителей.

– Кстати, о местных жителях: один из них очень уж внимательно наблюдает за тобой. – Лекс кивком указывает на кого-то за моей спиной.

Я, пожав плечами, раскрываю заламинированное меню, а Люк тем временем поднимает голову и вздрагивает.

– Ужас какой-то. У меня от взгляда этого типа мурашки по коже.

– А тебе неинтересно взглянуть на него? – спрашивает меня Лекс.

– Не-а.

– Наверное, ты сегодня особенно неотразим, Сайерс Уэйт. Люк, не обращая внимания на наше препирательство, утыкается в меню.

– О боже, все здесь, похоже, такое *вкусное*.

Изучаю список блюд, и тут в нос мне ударяет аромат парфюма.

К столику подошла официантка – круглолицая, с длинными черными волосами девица подросткового возраста. Она разглаживает свое синее, вышедшее из моды платье и смотрит на меня так, будто ее вытолкнули на сцену, а она не знает ни слова своей роли. Жду, когда она примет у нас заказ, но она просто продолжает таращиться на меня, и я говорю:

– Можно мне не пережаренный стейк в панировке?

– Э... – Девушка говорит так тихо, что приходится сильно напрягать слух. – У нас есть только отбивные котлеты.

– Согласна на них, – отзывается Лекс.

– Я тоже, – радостно улыбается Люк. – И еще я хочу пирожное с шоколадным кремом!

– Вон там твое объявление висит? – Лекс указывает подбородком на прибитую к стене доску объявлений. – Моя мама ищет кого-нибудь, кто стал бы по четвергам присматривать за моим маленьким братом.

Официантка с довольной улыбкой кивает головой.

– У меня тоже есть братик. Я могу дать тебе мой телефон.

– А как насчет моего заказа? Можете приготовить стейк без масла? Средней прожарки.

Девушка быстро записывает наши заказы, в том числе и напитки, в блокнот и уходит.

Достаю из кармана телефон.

– Надеюсь, здесь есть *вайфай*.

Люк и Лекс, не обращая на меня никакого внимания, переплетают пальцы так, словно те подменяют собой куда более интимные части тела, и мне очень хочется не видеть этого. Я, скучая, выкладываю несколько фотографий кафе, и Бриа тут же отзывается:

– Где ты?

Коротко отвечаю:

В аду.

И посылаю ей фото меню.

Бриа отвечает несколькими плачущими эмодзи, и тут мой нос снова подвергается атаке трудновыносимого запаха.

Это вернулась наша официантка.

– Повар говорит, он все сделает, – обращается она ко мне.

– Э, о'кей, хорошо, – мямлю я, переключая внимание на телефон и хихикаю над новой эсэмэской Брии.

– *Сайе*, – шипит Лекс несколькими секундами позже.

– Да?

– Ну почему ты так грубо себя ведешь? Она определенно запала на тебя.

– Официантка? – Улыбаюсь Люку, поддразнивая его: – А ты обратил внимание на то, что твоя девушка считает, будто я всем нравлюсь? Я не психолог, но она явно судит по себе.

– Просто будь мил с ней, – приказывает Лекс.

– Хорошо, не парься.

Но Лекс и не думает отступать.

– А ты знаешь, что она ходит в нашу школу?

– Правда? А с какой стати ей ездить сюда на работу?

– Не знаю, но она поет со мной в хоре, и она действительно хорошая, поэтому просто...

Действительно хорошая хористка приносит напитки, и мой нос тут же начинает чесаться и краснеет. Должно быть, у меня аллергия на ее духи. А затем, спустя три секунды, я снова начинаю задыхаться, потому что она возвращается и приносит еще хлеба.

Дойдя до ручки, вынимаю из бумажника двадцатку и кладу на стол.

– О'кей. Вот твои чаевые. И будь добра, не подходи сюда каждые несколько секунд.

И опять начинаю просматривать ленту в телефоне.

И слышу:

– Да что это такое, черт побери? – Голос у Лекс хриплый и сердитый, и злится она не понарошку, как обычно, а разъярилась не на шутку.

– Что?

– Что ты имеешь в виду под *что*? Да вот это самое! – И Лекс показывает на все еще лежащую на столе купюру.

– А что такого? – искренне смущаюсь я. – Я поступил хорошо.

Лекс, видимо, утратила дар речи, потому что несколько минут не произносит ни слова – до тех пор, пока официантка не приносит поднос с едой. На этот раз у нее сдержанное

выражение лица. Лекс одаряет ее преувеличенно радостными улыбками, которые девушка, похоже, не замечает, я же пытаюсь отрезать кусок от жилистого серого мяса.

– Стейки готовят совсем не так, – ворчу я.

– Чувак, – Люк уже поглощает свою котлету, – перестань корчить из себя британского лорда, просто ешь, что дают. Готовят здесь хорошо.

Лекс смеется и тоже принимается за еду. Я в раздражении отодвигаю от себя тарелку.

Люк поднимает голову и с набитым ртом печально произносит:

– А где пирожное?

– Как ты можешь проглотить хоть кусок? Ведь тут так *хреново*.

Лекс смотрит на меня, будто хочет задушить.

– И в чем проблема на этот раз?

– А вас не достает аромат горелого масла, на котором жарился цыпленок, и дешевого парфюма официантки?

– Тебе есть дело до ее духов? – зубоскалит Лекс. – Да ты просто смешон.

– Ничего подобного. Я делаюсь больным от их запаха. Честно говоря, кто-то должен сказать ей, чтобы приняла душ и только потом обслуживала бы столики, потому что...

Маленькая дрожащая рука хочет забрать у меня тарелку.

– Повар сказал, что поджарит тебе другой кусок. За счет заведения.

Лекс выглядит совершенно шокированной, она открывает и снова закрывает рот.

– Нет, все хорошо, – бормочу я, слегка сконфуженный. – Просто забудь. – Девушка кивает и разворачивается, чтобы уйти. – Подожди. – Она снова смотрит на меня. – Мой друг хочет пирожное.

Она еще раз кивает и отходит от столика.

Лекс ошарашенно смотрит на Люка.

– Она слышала, что он сказал?

– Наверное. – Люк, обескураженный, таращится на меня. – Сайе, когда она вернется, извинись перед ней.

Раскрываю от изумления рот:

– Я должен *извиниться*?

– Да, Сайе, – настаивает Люк, являя строгую версию себя, принадлежащую какой-то другой, альтернативной, реальности. – Ты обидел ее.

Я не верю собственным ушам. С каких это пор Люк начал читать мне нотации? И я вовсе не хотел, чтобы она меня услышала.

– Но ведь она...

– Я хочу уйти отсюда, – перебивает меня Лекс. Вид у нее печальней некуда.

Скрещиваю руки на груди.

– В этом я с тобой согласен.

К нашему столику приближается какая-то другая официантка-подросток. Она приносит пирожное с шоколадным

кремом.

– Теперь вами буду заниматься я, – говорит она и, должно быть, смотрит на нас пристально и сердито, но сказать трудно, потому что у нее практически нет бровей.

– Нам нужно идти. – Бросаю свою кредитную карту на стол, и она скользит по столешнице. – И будь добра, чек.

– Разумеется, – улыбается Безбровая.

И швыряет пирожное мне в лицо.

Менеджер пытается успокоить меня, в то время как Лекс и Люк надрываются от смеха.

– И это кажется вам смешным? – вскидываю я руки. – Она бросила в меня пирожное. Пирожное! Словно мы – персонажи какого-то старого водевиля!

– Это произошло случайно, – говорит Лекс. – *Расслабься.*

– Нет, не случайно.

Лекс лопается от смеха:

– О'кей, ты прав.

Встаю и пытаюсь вытереть салфеткой крем, капающий мне на штаны. Соседние столики пялятся на меня, потому что мне удастся лишь еще больше размазать шоколад.

– Ох, Сайе... – осторожно произносит Люк.

– Что?

– У тебя крем в ухе. – Люк и Лекс переглядываются и снова хохочут.

Беру со стола ключи от машины.

– Приятного аппетита вам обоим.

Улыбка Люка гаснет.

– Подожди... Сайе... И как, по-твоему, мы доберемся до дома?

– Это не моя проблема.

– Сайе! – кричат они мне вслед, но я лишь ускоряю шаг и сажусь в свой автомобиль с откидным верхом, и, когда срываюсь с места, из-под колес летит гравий. Вижу в зеркале заднего вида, как Люк и Лекс машут мне руками с автостоянки, а потом они пропадают из моего поля зрения.

Несусь по черной дороге и тут понимаю, что совершенно не знаю, где нахожусь. Я не обращал внимания на дорогу, когда спасался бегством. Сбросив скорость почти до нуля, пытаюсь сориентироваться и нажимаю на иконку с домом на навигаторе.

«Маршрут неизвестен».

Мне теперь не до шуток – здесь нет даже уличных фонарей.

Хочу нащупать мобильник на приборной панели, но его там нет.

Хлопаю по карману. Тоже безрезультатно.

Пристроившись на грязной обочине, включаю верхний свет и ищу под сиденьем и между сиденьями, но телефона не нахожу.

Черт. Я, должно быть, оставил его на столе в ресторане.

С минуту я просто сижу, а над ветровым стеклом раскачиваются тени ветвей близстоящих деревьев. Это странно. По

обе стороны от дороги возвышаются деревья, но я же отчетливо помню, что дорога шла среди пустых полей. Да к тому же она была намного шире.

Может, когда я рванул с автостоянки, то свернул не туда. Может, этот участок дороги уже. Вырулив на дорогу, разворачиваюсь и еду в противоположном направлении. И жду, что с секунды на секунду увижу огни кафе. Часть меня хочет остановиться и забрать телефон и, *может*, также Люка и Лекс, но от мысли о том, что придется вернуться туда, где мне швырнули в лицо пирожное, становится нехорошо.

Да, все это начинает доставать меня.

Часы на приборной панели кажутся теперь зловещими. Деревьев должно становиться все меньше, а дорога должна расширяться, но все происходит наоборот: дорога уже, деревьев *больше*. Качающиеся ветки закрывают небо, и дорога превращается в своего рода тоннель. В голове у меня звучит голос Люка: «*Хреново!*»

Продолжаю ехать предельно медленно и пересекаю небольшие дороги, названия которых мне незнакомы, или у них вообще нет названий. Не знаю, что делать, и включаю фары, жалея, что они недостаточно яркие.

Тишина начинает давить на меня, и я врубаю радио.

«**ПОКАЙСЯ!!!** – вопят колонки. – *Святой отец смотрит на тебя! Он ВСЕГДА смотрит на тебя с любовью в сердце. Но в аду полно свободных мест. Есть там место и для тебя...*»

Да уж, довольно противоречивое послание. Пытаюсь настроить радио, но без айфона выбор у меня невелик: нагнетание паники, шипящие помехи или музыка кантри.

Выбираю шипение.

Тут раздается характерный звук, и на приборной панели загорается лампочка, сигнализирующая о пустеющем бензобаке. Мигает число 15.

Что это – отсчет в обратном порядке?

Снова останавливаюсь и ищу повсюду телефон. Под сиденьем, между сиденьями, даже в отделении для перчаток, хотя я никогда его туда не кладу.

Снова пытаюсь воспользоваться навигатором.

«Маршрут неизвестен».

«Маршрут неизвестен».

Ситуация совершенно абсурдная. Я не мог заблудиться. Выключаю приемник – он может съедать бензин – и еду в полной тишине, и тут в зеркале заднего вида что-то мелькает.

На достаточно большом расстоянии от меня горят фары автомобиля.

Впервые за то время, что я покинул кафе, кто-то едет по дороге. Мое тело обмякает от облегчения. Я вроде как дрейфовал в одиночку в открытом космосе, но вдруг там объявились и другие люди.

Всматривая хоть что-нибудь знакомое, продолжаю ехать. До такой степени медленно, что свет фар догоняет ме-

ня – и освещает заднюю часть автомобиля.

Смотрю в зеркало заднего вида. Воителя я видеть не могу, различаю только громоздкий кузов пикапа, на каких ездят фермеры. Чувство облегчения тут же покидает меня.

– Обгоняй, – бормочу я, ударяя по тормозам.

Но он не делает этого. А просто стоит за мной, пока я плетусь как черепаха. Сигнальная лампа на приборной панели снова мигает, ну и хрен с ней. Пусть парень забирает себе всю дорогу. Я показываю ему средний палец, отклоняясь вправо, чтобы развернуться, и в этот самый момент пикап решает обогнать меня. Стараясь не врезаться в него, выворачиваю руль вправо и на полной скорости слетаю с дороги.

Одиннадцать

С гулким стуком врезаюсь в забор с колючей проволокой. В голове звучит эхо удара, все мое тело болит, как во время езды по парку опасных развлечений.

Медленно оцениваю свое состояние. Шея слегка болит – придется сходить к мануальщику, – но больше никаких повреждений нет. Просто я слегка дезориентирован. Вылезаю из автомобиля и изучаю его. Фары светят в поле под каким-то странным углом, но этот автомобиль настолько технологичный, что мне кажется, будто шины должны накачаться сами собой, но вдруг я слышу позади себя шаги.

Оглядываюсь.

Это другой водитель. Фары его машины направлены в одну сторону, моей – в другую, так что виден лишь его силуэт, напоминающий силуэт пришельца.

– С тобой все хорошо? – спрашивает он, его говор характерен для жителей сельской местности.

Внезапно напряжение, которое копилось во мне на протяжении всего дня, выплескивается наружу.

– Нет, не хорошо. Ты чуть не убил меня! Посмотри на мою машину!

– Прости. Ты развернулся так быстро, что я никак не мог...

– Можно воспользоваться твоим телефоном? Нужно вы-

звать аварийку. Если, конечно, я сумею сообщить, где, черт побери, мы находимся.

Мужчина подходит ближе. Он оказывается между двумя потоками света, и у меня появляется возможность получше рассмотреть его. Высокий и широкоплечий, одет во фланелевую рубашку, и на нем самые настоящие ковбойские сапоги. Он похож на героя какого-то кондового фильма о ковбоях. Он примерно ровесник моих родителей, но у него бронзовая кожа, словно он никогда не пользуется средствами от загара. И выглядит он обеспокоенным. Боится, наверное, что я подам на него в суд.

Я мог бы это сделать.

– У меня нет с собой телефона, – говорит мужчина, что звучит скорее как «Я сенья без трубки». – Но я могу помочь с колесом. Где у тебя запаска?

– В багажнике, где же еще. – Лезу в автомобиль и поднимаю маленький рычаг, чтобы можно было открыть багажник, но этот debil не знает, как это сделать, и потому я иду к задней части автомобиля. – Да вот она, кнопка. – Я сам поднимаю крышку багажника. В нем лежат запасная покрывка и набор инструментов, только я понятия не имею, для чего они предназначены.

Мужчина закатывает рукава, обнажая мускулистые руки, и вынимает сразу и покрывку и инструменты. Он приступает к работе, а я сажусь в машину, страшно жалея, что у меня нет телефона и мне нечем занять себя, но наконец раздается

стук в окно.

Нажимаю на кнопку и открываю его.

– Готово?

– Видишь ли... – Голос у него скорбный. – Мне очень неприятно говорить тебе это, но лопнула еще одна шина. Сам не знаю, как я этого не заметил.

– *Что?*

– Такая засада.

– А у тебя есть запаска?

– Обычно да, но я...

– Ты можешь хотя бы отвезти меня куда-нибудь, где есть телефон? Вот уж гребаное невезение.

Он вздрагивает, будто принадлежит тому времени, когда слово *гребаный* шокировало всех и вся, но потом коротко кивает.

– Я могу сделать это.

В его машине пахнет вином, потом и еще чем-то непонятным. К счастью, окна машины разбиты, и, когда она набирает скорость, в салон врывается свежий деревенский воздух. Мне не терпится оказаться дома и поведать всем историю о своих приключениях. Они услышат, что меня вез какой-то дикарь, и просто *обалдеют*.

Представляю себе эту сцену, и тут у меня появляется какое-то странное чувство. Поворачиваю голову и вижу, что мужчина наблюдает за мной. Я хочу спросить, что его так заинтересовало, но он дружелюбно улыбается мне.

– Как тебя зовут?

– Сайерс, – отвечаю я автоматически и тут же жалею об этом. С трех лет мне вбивали в голову, что я не должен говорить посторонним, кто я такой.

– *Сайерс?* – Мужик, к моему облегчению, это ни о чем не говорит. – Я Кaleb. – Он снимает правую руку с руля и протягивает мне. Мне следовало бы пожалть ее, но внезапно у меня возникает какое-то странное чувство, которое я не могу объяснить. Я все еще раздражен, но не только.

– Думаю, тебе лучше держать руль обеими руками, – наконец говорю я.

Его рука секунду висит в воздухе, а затем он снова кладет ее на руль.

– Еще далеко? – интересуюсь я.

– Не слишком. Как понимаю, ты любишь «Звездные войны». Я обратил внимание на твою майку.

– Ах да. – А я и забыл, во что одет. Люк Скайуокер и бинарное солнце. Этот парень, должно быть, хорошо видит в темноте.

– Ты фанат этого фильма?

– Ага, люблю его.

Он улыбается, не распознав сарказма в моем голосе.

– Какой эпизод у тебя любимый?

Я не смотрел «Звездные войны» с тех пор, как нам с Люком было десять, но отвечаю:

– Первый.

Мужчина серьезно кивает, словно это правильный ответ, и я начинаю думать, что, возможно, он асоциальный тип. Не похоже, чтобы он часто бывал на людях. Я выдыхаю, и мои плечи опускаются. Мне нужно выдержать еще несколько минут разговора ни о чем, и этот неудачный день подойдет к концу.

Смотрю на черное небо за окном.

И то самое чувство возвращается.

Мой взгляд падает на мужчину, и я вижу, что он смотрит на меня с выражением, которого я не понимаю, но все мои мышцы напрягаются.

– Разве мы не рядом с главной дорогой? – Стараюсь, чтобы мой голос звучал твердо.

– Мы едем туда. – Но дорога сейчас – практически велосипедная дорожка, такая узкая, что ветви деревьев бьются о пикап.

– Вообще-то... – Теперь я смотрю прямо перед собой, нервы у меня на пределе. – Ты можешь высадить меня прямо здесь.

Мужчина издает пугающий меня смешок и продолжает вести машину.

Мои руки сжимаются в кулаки. Я справлюсь с этим типом в случае чего. Ведь я много времени провожу в спортивном зале. Сотня отжиманий каждое утро. Пятьдесят подтягиваний.

– Я хочу, чтобы ты высадил меня.

– Сейчас слишком темно. Ничего не видно. На тебя могут наехать.

Во рту у меня становится сухо, и когда я пытаюсь говорить, то получается неразборчиво.

– В телефоне есть мои координаты. И фонарик.

Его брови сходятся на переносице.

– А я думал, телефона у тебя нет.

– Ну... Я считал, что нет, но...

– Мы скоро доедем.

– А я сказал, остановись!

Грузовик тормозит так резко, что я сильно наклоняюсь вперед.

Хватаюсь за ручку дверцы, но она не поддается. Дергаю ее, а мужчина тем временем просто спокойно смотрит на меня, и ни один мускул на его лице не дрогнул.

А затем он тянется ко мне.

Двенадцать

Его рука придвигается все ближе, а затем, минуя меня, он берется за ручку дверцы и поднимает ее.

Дверца с ржавым скрипом открывается.

Я на какое-то мгновение цепенею, но потом беру себя в руки, выпрыгиваю из машины и захлопываю дверцу.

Порываюсь немедленно побежать, но мне кажется, что этот мужчина – дикий зверь и он не станет преследовать меня до тех пор, пока я не начну улепетывать. И потому, вопреки всем своим инстинктам, заставляю себя *идти*.

Пикап медленно выезжает на узкую дорогу. Его красные габаритные огни освещают дорожное покрытие.

Смотрю через плечо и встречаюсь с мужчиной глазами в зеркале заднего вида. Меня снова подмывает рвануть с места, но я прилагаю все силы к тому, чтобы идти как можно медленнее.

Пикап проезжает вперед.

Просто оставь меня в покое. Просто уезжай.

И словно подчиняясь моим мыслям, мотор ревет, пикап на большой скорости мчится прочь. Мне казалось, что и раньше было темно, но ничто не может сравниться с той темнотой, которая наступила сейчас. Я понятия не имею, далеко ли моя машина, но она определенно находится не в одной миле от меня.

Дрожащими руками достаю из кармана ключи от нее и смеюсь – тем визгливым смехом, каким обычно раздражаешься после пережитого страха, после того, например, как кто-то наскочит на тебя в доме с привидениями.

Нажимаю на брелок в надежде услышать знакомый писк и иду по дороге, стараясь не навернуться на неровном покрытии. Звуки вокруг напоминают о расслабляющих дисках мисс Уэллс, только, оказывается, они вовсе не успокаивают. И идея о том, что для того, чтобы расслабиться, нужно прислушаться к шуму природы, кажется теперь совершенно нелогичной. В ходе эволюции в нас выработался инстинкт, заставляющий *спасаться* от природы. Как можно быть спокойным, если ты окружен созданиями, стремящимися съесть тебя?

Стараясь как можно лучше вслушиваться в мнимую тишину, продолжаю жать на брелок, и чем дольше иду, тем сильнее мне хочется есть. Я не взял с собой ничего съестного, так что последней едой, которую я поглотил сегодня, стали «Читос», принесенные в школу Люком.

Усталый, испытывающий жажду и потный, плетусь дальше – и вдруг слышу слабое *nip-nip*. Вот они – два мигающих вдалеке габаритных огня. Громко вопя, подобно чуваку из школьного совета в день выборов, пробегаю остаток пути до моей машины, быстро сажусь в нее и завожу мотор. У меня перехватывает дыхание, когда на датчике горючего высвечивается семерка, но, может, мне все-таки хватит бензи-

на, чтобы добраться до автострады. Остается лишь надеяться на удачу.

Выезжая задним ходом из проволочной ловушки, добираюсь до дороги и тут слышу громкий скрежещущий металлический звук. Сильнее жму на педаль. Мотор ревет, но машина не продвигается ни на дюйм.

Фантастика.

Ставя машину на ручник, смотрю на часы – до рассвета еще далеко, но разве я могу что-то предпринять? Остается лишь ждать. Я не знаю молитвы, которая помогла бы мне выбраться отсюда в темноте.

Нахожу полупустую бутылку с теплой водой. И делаю большой глоток.

В машине становится душно. Нет особого смысла экономить горючее, и я включаю кондиционер. Мне в лицо бьет прохладный воздух. Закрываю глаза. У моей мамы *крышу снесет*, когда она услышит мой рассказ. Держу пари, она даже организует для меня какое-нибудь путешествие, чтобы я смог отойти от пережитого потрясения. Я неделю не буду ходить в школу.

Куда бы я хотел поехать?

Греция? Италия? Да, Сперлонга. Горы, и океан, и...

Я понимаю, что на какое-то время задремал, когда, вздрагивая, просыпаюсь от света фар сзади.

Может, это милая пожилая дама, у которой имеются при себе бутерброды и мобильник. Включаю аварийную сигнала-

лизацию, но ничего не происходит. Моя машина совсем сдохла, пока я спал. По логике происходящего со мной этой ночью, приближающийся автомобиль промчится мимо и водитель даже не поймет, что я здесь застрял.

Жму на кнопку, чтобы открыть окна, забыв на секунду, что она тоже не сработает, а потом распахиваю дверцу и машу руками.

Приближающийся автомобиль притормаживает. Еще один ржавый пикап. Они в этих местах, должно быть, *все* не на шутку проржавели. Он останавливается и – вот дерьмо! – оказывается, что это *тот же самый* пикап.

Крупногабаритный мужлан выбирается наружу, и я захопываю дверцу и запираюсь.

Почему он *вернулся*?

Он идет к кузову своего пикапа и с победной улыбкой вынимает из него крышку. Я не двигаюсь с места, и его глаза сужаются, словно он сомневается в моей нормальности.

– Мне было плохо оттого, что я оставил тебя на произвол судьбы, – объясняет он достаточно громко, так что я слышу его через толстое стекло. – А с этим ты разгонишься до сотни миль в час.

Теперь до меня доходит смысл происходящего. Он увидел мою машину и понадеялся, что сможет подзаработать, а я веду себя совершенно непонятно. И я открываю дверцу.

– Супер. Если ты дашь мне свой адрес, мои родители пришлют тебе чек.

– Хорошо. – Он хмурится так, будто я нарушил некий ковбойский кодекс чести. – Иди и открой багажник. – Сам он направляется к моему автомобилю и возится с замком.

– Нужно нажать на кнопку, – объясняю я ему, но эта деревенщина по-прежнему не врубается.

Я в раздражении вылезаю на дорогу, на которой никого нет, кроме меня, сверчков и парня с уникальным ночным зрением. Нашупываю кнопку и открываю багажник. Свет внутри не загорается, и я не вижу инструментов.

– Ужасно темно, – жалуюсь я.

И чувствую горячее дыхание на своей шее.

– Боишься темноты? – слышу я совсем рядом, и это звучит как-то странно... оптимистично.

Разворачиваюсь, намереваясь поведать ему о личном странстве, и мои глаза широко распахиваются. И его тоже. И я тут же понимаю, что он собирается что-то со мной сделать – и он понимает, что я понимаю.

– Тебе будет больно очень недолго, – говорит он.

Его рука теряет четкость очертаний, он делает укол мне в шею.

Я отталкиваю его, но руки становятся тяжелыми и не слушаются меня. И словно оставляют за собой расплывчатые следы.

– Ты... ты... – пытаюсь произнести я, но слова получаются у меня медленными, и невнятными, и длинными.

Подаю назад и смотрю на него затуманенными глазами.

Он держит что-то в руке – шприц.

Сердце у меня колотится. Я чувствую головокружение и ужас.

Поворачиваюсь к забору с колючей проволокой. Сразу за ним – деревья. Я могу спрятаться там. Я *должен* спрятаться.

Вот только ноги у меня ведут себя неправильно, и все это напоминает страшный сон, в котором тебя преследуют, а ты не способен оторвать ноги от земли.

Иду, шатаюсь, и хватаюсь за забор. Острая боль в ладонях, и мир вокруг начинает вращаться.

Моргаю.

Я по другую сторону забора, деревья совсем рядом.

Я сделаю это. Я убегу.

А затем я чувствую руку на своем плече, и весь мир оборачивается темнотой.

Тринадцать

Мне нужно что-то вспомнить... что-то важное.

Черный туннель перед невидящими глазами.

Расплывающаяся комната в накренившемся мире. Надо мной нависает какая-то тень.

Тихо, как во время ночного снегопада.

Мне кажется, я все еще сплю.

Приподнимаюсь на пару дюймов.

И снова падаю.

Вытягиваю ноги. Голые пальцы скребут по холодному полу.

Встаю, качаюсь, туннель в голове начинает вращаться.

Чувствую щекой пол. На меня, словно глаз, смотрит пятно на деревянной доске. Слышу грохот, в поле зрения попадают сапоги.

Смотрю вверх... вверх... вверх на великана.

Это все на самом деле?

Он наклоняется, но я не могу разглядеть его лица. Одна его рука проскальзывает мне под плечи, другая – под колени, я оказываюсь в воздухе, словно сделан из облаков, и меня несут на небольшую кровать.

«Нет, нет, нет», – я способен произносить слова только мысленно.

Снова пытаюсь подняться и снова падаю.

Великан продолжает наблюдать за мной, мои глаза закрываются.

Мне нехорошо. Будильник пока не сработал, и у меня получается еще поспать до школы, но сегодня я туда не пойду. Нужно, чтобы миссис Марли принесла мне тайленол. Голова сильно пульсирует, и я думаю, что заболеваю.

Пытаюсь нащупать телефон. У меня это не получается, я не могу его найти. Мочевой пузырь полон, но если я пошевелюсь, меня вырвет. Глаза открываются – взрыв света. Модель аэроплана с ярко-красными крыльями качается надо мной.

Это не моя комната.

Мое сердцебиение стремительно, как ракета. Смотрю направо – на окне такие плотные шторы, что я не могу сказать, день сейчас или ночь. Смотрю налево – в деревянном кресле спит мужчина. У него черные волосы, квадратная челюсть и темная щетина. На нем фланелевая рубашка, синие джинсы, пыльные ковбойские сапоги, на руке большие часы на кожаном ремешке.

Воспоминания приходят вспышками.

Фары.

Авария.

Игла.

Мужчина – владелец пикапа.

Мои мысли бессвязны, это просто световые импульсы, они вспыхивают и тускнеют, словно в мозгу случилось короткое замыкание. Не знаю, сколько проходит времени,

прежде чем мозг проясняется настолько, чтобы я смог подумывать:

«Он спит. Мне необходимо что-то предпринять, и НЕМЕДЛЕННО».

На небольшой деревянной тумбочке у кровати стоит лампа на круглом керамическом основании. Она кажется тяжелой. Достаточно тяжелой, чтобы вырубить кого-то, если хорошенько размахнуться.

Продвигаюсь к ней, сдерживая стоны, голова пульсирует все сильнее. Медленно, тихо протягиваю руку. Пальцы бьются за основание лампы. Еще чуть-чуть... Но тут пружины кровати громко взвизгивают, и глаза у великана открываются.

Четырнадцать

Мужчина всего одно мгновение пребывает в недоумении, но потом улыбается мне, и я не могу вспомнить, чтобы кто-нибудь когда-нибудь смотрел на меня с таким счастливым выражением лица. Сердце колотится у меня в ушах: улыбка неадекватного человека – нечто ужасающее.

Внезапно уголки его губ опускаются, словно он разочарован.

– Ты не понимаешь, кто я.

– Еще как *пнимаю, хто ты*, – я в панике и злобе имитирую его произношение. – Ты столкнул меня с дороги. Ты... ты...

Диким взглядом обвожу комнату. За спиной мужчины две двери. Та, что слева, приотворена. За ней ванная. Другая дверь – где, по всей видимости, выход, – закрыта. Мой взгляд обращается к окну справа. Оно ближе, и никто не стоит на пути к нему, но открыть его и выбраться наружу прежде, чем он сможет схватить...

Слышу скрежет дерева по дереву. Мужчина взялся ручищей за спинку кресла и придвигает его к кровати.

Быстро подаюсь назад и морщусь от этого внезапного действия.

– Ты в порядке? – Его лицо выражает что-то вроде сочувствия.

От боли я на секунду сильно зажимаюсь.

– Голова.

– Прости. – Мужчина протягивает мне руку.

– Н-не трогай меня. – Я делаю рывок в сторону, но нога цепляется за что-то.

Откидываю лоскутное одеяло и вижу нечто настолько невероятное, что мозг не в силах осознать это. В голове проносятся странные картинки – мышь, раздавленная металлическим зажимом мышеловки, нога в медвежьем капкане. Моя лодыжка прикована цепью к железной спинке кровати.

Начинаю издавать такие звуки, будто с силой хватаю ртом воздух и захлебываюсь, и никак не могу прекратить это.

– Все хорошо. – Мужчина снова тянется ко мне.

Я отпихиваю его, но мои движения недостаточно сильны и не скоординированы.

– Перестань, – злится он. – Ты не должен бояться меня. – И он треплет меня по щеке теплой и грубой ладонью.

– Ост-тавь меня в покое.

Он роняет руку и какое-то время изучает меня.

– Тебе нужно что-нибудь съесть.

Встав, он достает из кармана ключи. Грохоча сапогами по полу из твердой древесины, перебирает эти ключи, а потом отпирает одним из них дверь. И выходит из комнаты, закрыв дверь за собой.

Я тут же подвигаюсь к краю матраса и тяну свои кандалы вниз, но не могу просунуть в них выпирающую кость ши-

колотки. Пытаюсь разомкнуть кажущееся старинным свинцовое кольцо, но оно не поддается.

Вижу короткую, довольно тонкую цепочку, соединяющую цепи на обеих ногах. Хватаю ее и тяну что есть сил, крихтя от напряжения, но она гораздо прочнее, чем кажется.

Дверь распахивается.

– Я принес тебе аспирин, – как ни в чем не бывало говорит мужчина, словно не замечает, чем я занимаюсь. Разжимает кулак, и я вижу у него на ладони три маленькие белые таблетки.

Хочу послать его к черту, но голову снова пронзает боль. Оставив в покое цепь, тянусь к лекарству. Мои пальцы проходят по его ладони, и я вздрагиваю от отвращения, но кладу таблетки себе в рот и глотаю их.

– Тебе нужно в туалет? – спрашивает он.

Киваю. Голова начинает пульсировать еще сильнее.

Он снова выуживает из кармана связку ключей и одним из них отпирает кандалы на моих ногах.

Какое-то мгновение я пребываю в шоке. Он *снимает* их?

Выбираюсь из кровати – и чуть не падаю.

Я пока еще недостаточно силен, чтобы драться с ним. Умудряюсь доковылять до туалета и плотно закрываю за собой дверь. Одной рукой расстегиваю брюки, другой – опираюсь о стену. Затуманенным взглядом окидываю крошечную комнату без окон.

Душевая без дверцы.

Раковина без зеркала над ней.

Унитаз без крышки.

– Может, тебе помочь? – Такое впечатление, что мужчина прижимается ртом прямо к двери.

Застегиваю молнию, а затем кручу ручку на двери – замка здесь нет. Но даже если бы и был, это ничего не изменило бы. Идти тут некуда. Начинаю задыхаться, и мне кажется, будто я оставляю свое тело. Словно некие высшие силы возносят меня в облачное небо, и я смотрю на то, что остается внизу.

Мужчина открывает дверь – и я падаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.